

Эрин Хэй

18+

ГОРОД РАЗБИТЫХ НАДЕЖД

Ангел для
ВОРОНА

Эрин Хэй

**Город разбитых надежд.
Ангел для Ворона**

«Автор»

2026

Эрин Хэй

Город разбитых надежд. Ангел для Ворона / Эрин Хэй —
«Автор», 2026

Бывший оперативник Олег Воронов больше не верит в закон. Когда-то он поймал преступника, терроризировавшего город, и стал героем. Вот только Олег знает правду: настоящие виновники остались на свободе. И теперь он — тень в криминальных районах, последняя надежда для тех, кто потерял веру в полицию. Алиса — медсестра. Каждый день она помогает людям, лечит раны, облегчает боль. И она верит: нельзя считать себя богом и думать, что имеешь право судить. Эта история о том, как далеко можно зайти во имя справедливости, и о том, может ли любовь спасти того, кто давно считает себя потерянным.

© Эрин Хэй, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	30
Глава 12	32
Глава 13	35
Глава 14	38
Глава 15	41
Глава 16	43
Глава 17	46
Глава 18	48
Глава 19	51
Глава 20	54
Глава 21	56
Глава 22	58
Глава 23	60
Глава 24	62
Глава 25	65
Глава 26	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Город разбитых надежд. Ангел для Ворона

Глава 1

Город дышит влажным, пропитанным бензином и прибитой пылью, воздухом. Дождь стучит по жестяным крышам, по асфальту, стекает ржавыми ручьями по облупленным стенам, монотонный, бесконечный, как моё похмелье. Я стою под козырьком и затягиваюсь сигаретой. Телефон снова вибрирует в кармане. Вера. Третий раз за час.

– Олег, пожалуйста, заведи меня!

Её голос дрожит. Сейчас в нём нет тех игривых ноток, к которым я привык за время нашего общения в «Лабиринте».

– Пожалуйста, мне больше некого просить, – умоляет она. И я слышу страх.

Я не знаю её. Ну, то есть, знаю, конечно, но только как знают ночных бабочек: запах пота и тяжёлых духов, привычку кусать губы, тепло тела на заднем сиденье автомобиля или в подсобке ночного клуба, где она работает стриптизершей. Ни прошлого, ни будущего. Но сегодня что-то заставляет меня бросить сигарету в лужу и шагнуть под дождь.

Переулок тёмный, как дуло пистолета, который я всегда ношу при себе, даже после ухода из органов. Фонарь мигает, бросая на стены трепещущие тени. Вера стоит под ним съёжившись. В промокшем плаще, с лицом, искажённым от страха.

– Ты одна? – хриплю я, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

Она вздрагивает, будто не ожидала, что я приду. Глаза огромные, блестящие. То ли от дождя, то ли от слёз. Делаю шаг к ней и останавливаюсь. Вера тоже продолжает стоять, не предпринимая попыток приблизиться. Что-то тут не так.

– Почему ты здесь?

– Олег, я... – её голос срывается.

Выстрел.

Грохот разрывает тишину трупов. Пуля с металлическим лязгом отскакивает от стены, выбивая бетонную крошку. Где-то лают собаки, но никто не выглядывает. В этом городе все знают: если стреляют, надо закрыть окна и прибавить звук телевизора. Ещё один выстрел, и по плечу растекается жар. Я даже не сразу чувствую боль. Вторая пуля бьёт ниже, отбрасывая меня на спину и пробивая лёгкое. Я падаю в лужу.

Отдалённо слышу жалобный вой. Это воет Вера, размазывая дешёвую тушь по щекам. Выстрелы стихли, но она не приближается, не ищет укрытия и не зовёт на помощь. Она отступает. Медленно. Шаг за шагом скрывается в темноте переулка, исчезает, как крыса в канализации.

– Прости, – шепчет одними губами.

Её не трогают. И это ответ на мой вопрос: почему она здесь.

Закрываю глаза, а когда открываю, Веры уже нет, как и стрелявших. Зато есть кровь. И её слишком много. Я лежу на спине, дождь бьёт в лицо. Воздух со свистом вырывается из пробитого лёгкого.

Встать. Мне надо встать. Перекатываюсь на бок, стиснув зубы, сдерживая стон. Руки скользят по мокрому асфальту. Надо ползти. И я ползу. Ползу по разбитому тротуару, мимо закрытых дверей и зарешеченных окон, мимо заколоченного магазина, где уже лет пять никто не работает. Я цепляюсь за стены, за канализационные решётки, оставляя за собой кровавый след, который дождь тут же размывает.

Где-то воет сирена, но это просто фон. Полиция в эти кварталы не суётся. Разве что за трупами. А я не труп. Пока что. Из груди вырывается хриплый смех и обрывается. От боли.

Ноги не слушаются. Каждый метр даётся как последний. Лицо заливают то ли дождём, то ли потом.

– Не сдохни... Только не сдохни...

В глазах темнеет, но я упрямо продолжаю двигаться вперёд. Ворон не сдастся, даже если будет харкать кровью.

Больница. Белое здание. Подарок избирателям из трущоб от нашего мэра. Падаю на лестницу и бьюсь головой об ребро ступени. Последнее, что я вижу, – заляпанные кровью ботинки медбрата.

– Пулевые... Плечо... Лёгкое...

Чужие голоса плывут надо мной. Хочу что-то сказать, но вырывается лишь стон. Провал.

На миг прихожу в себя. Ничего нет. Только ослепительный свет заливают всё пространство. Я думаю, так и должен выглядеть рай. Склонившийся в белоснежных одеждах ангел подтверждает мои мысли.

– Ты существуешь... – шепчу я, заморожено разглядывая светящийся ореол вокруг головы неземного создания.

Пытаюсь дотронуться, но не могу.

– Не двигайтесь, – говорит ангел и всаживает иглу мне в руку.

Наступает блаженная тьма.

Сознание возвращается вместе с тупой болью в груди. Белые стены. Потолок. Я лежу, изучаю трещины на штукатурке и вздрагиваю, когда устоявшуюся тишину нарушает скрип двери. В открытом проеме появляется она. Миниатюрная, голубоглазая, в белом халате.

– перевязка.

Бросив короткую фразу, она подходит ближе. Её волосы убраны под аккуратную шапочку. Меня обдаёт лёгким ароматом фруктовых духов. Жадно втягиваю воздух и кашляю.

– Тише... тише... – Её ладонь в успокаивающем жесте опускается мне на лоб. – Вам нельзя шевелиться.

– Я знаю тебя. – Кашель проходит, и мои губы растягиваются в самой глупой улыбке. – Ты – ангел.

– Меня зовут Алиса. Алиса Александровна, – говорит ангел. – Я работаю медсестрой в этой больнице.

– Я буду звать тебя Ангел, – упрямо твержу я.

– Всё ясно. – Её лицо озаряется тёплой улыбкой. – Наркоз порой очень странно действует на людей. Ничего. Это пройдёт.

В руках ангела появляются бинты, ножницы и что-то ещё. Она скидывает с моей груди одеяло и, неодобрительно цокая, приступает к своей работе.

– Кто это вас так?

– Бандиты. – Каждое слово даётся с трудом. – Я так думаю.

– Бандиты? – удивляется ангел. Ну да. Откуда ей в раю знать про бандитов? Сюда таких не завозят. – Вы их видели?

– Нет, но догадываюсь.

– И за что?

– Тебе лучше не знать.

– Мне вы можете не говорить, – ангел пожимает плечами. – А вот товарищу из полиции рассказать придётся.

– Товарищу из полиции? – из горла вырывается смешок, который тут же отдаётся болью в лёгком.

– Да, мы обязаны сообщать обо всех огнестрельных ранениях. А почему вы смеётесь?

– Они нам совсем не товарищи.

Неодобрительно покачав головой, ангел забирает с собой окровавленные бинты и уходит, оставив меня одного. Я бы мог многое рассказать ей, но зачем? Веки снова тяжелеют, глаза закрываются. Постепенно исчезают все звуки.

Глава 2

Алиса

Утренние лучи солнца льются через окно, наполняя перевязочную мягким светом. Я раскладываю инструменты, напевая под нос незатейливый мотив, услышанный по радио.

– Алисонька, ты как глоток свежего воздуха в этом царстве хлорки! – улыбается сухопарый дядя Коля, укладываясь на кушетку.

– Да что вы, дядь Коль, – смеюсь я, обрабатывая и меняя повязку на колотой ране, которую он, видимо, получил, не поделив что-то с собутыльником.

Судя по количеству шрамов на худом теле, дядя Коля – человек с характером. Взрывным, неуступчивым, привыкшим решать вопросы кулаками, а то и ножом. Но здесь, в больнице, он ведёт себя тихо, настолько, чтобы его не выгнали за нарушение режима.

Я догадываюсь, почему: у нас хорошо кормят.

– Ну как, полегчало? – спрашиваю, завязывая крепкий узел.

– Твои руки творят чудеса, – кричит он, а в глазах светится благодарность.

Я улыбаюсь в ответ с лёгкой грустью, поскольку знаю: он вернётся после выписки, не пройдёт и месяца. С новой раной и прежней историей.

Но это будет потом, а сейчас меня ждёт бабушка Клава, случайно обварившая руку кипятком. Глубоко вздохнув, поправляю ворот халата. Старушка заходит сразу после дяди Коли. Сев на его место, она отсутствующим взглядом обводит помещение.

– Ну что, Клавдия Петровна, покажите свою боевую рану, – говорю я как можно бодрее, доставая перевязочный набор.

Она медленно поворачивается. Глаза красные, то ли от боли, то ли от слёз.

– Скажешь тоже, боевую... – бормочет она. – Разве у такой старой развалины, как я, могут быть боевые раны? Только глупые...

Я беру её руку с красным пятном ожога. Аккуратно обрабатываю.

– И никакая вы не старая развалина, – возмущаюсь как можно строже, – Вы ещё ого-го!

– Старая и никому не нужная, – продолжает невесёлую мысль бабушка Клава.

И я знаю причину: с момента поступления к нам её никто не навещает.

– Только ты со мной и возишься, – вздыхает она.

– Это моя профессия, – с улыбкой напоминаю ей.

– Делать тебе больше нечего, как со стариками возиться!

В этом вся бабушка Клава: настроение меняется со скоростью урагана.

– А с кем же мне возиться?

Убираю бинт, антисептики и ножницы в специальный контейнер.

– С детьми! Замуж тебе надо! Ну, Максим Алексеевич, – старушка поворачивается к вошедшему доктору, молодому, года два, как закончившему ординатуру.

– Что?! – Максим удивлённо рассматривает бабушку Клаву.

– Что же у вас девка хорошая пропадает? Когда уже замуж её отдадите?

– Замуж? – Максим аж икает от неожиданности, а кончики его ушей наливаются розовым. – Нам Алиса Александровна здесь нужна!

Старушка осекается, переводит взгляд с доктора на меня и обратно, и с хитрым прищуром покидает перевязочную.

– Я тебе кофе принёс, – говорит Максим и ставит мне на стол картонный стаканчик. – С молоком и сахаром, как ты любишь.

Вдыхаю насыщенный терпкий аромат и делаю глоток. Горячий напиток обжигает губы, а на языке разливается сладкая горечь. Первое впечатление уходит, оставляя послевкусие пережжённых зёрен.

– Да, кофе из автомата, дешёвый, но крепкий, а это то, что нужно после смены, – кивает Максим, поднося ко рту точно такой же стаканчик.

– Спасибо. Как наш новый пациент?

– Жить будет. Из полиции приходили, но, кажется, ничего интересного он им не сказал.

– Ужасно. Наш мэр ничего не делает с преступностью, бандиты совсем распоясались.

– Говорят, кого-то они всё-таки опасаются, и этот кто-то явно не из полиции.

– Ты о Карателе? Да ну это просто городская легенда...

Наш разговор прерывает скрип открываемой двери. Оборачиваюсь. На пороге стоит он, тот самый новый пациент. Обводит цепким взглядом помещение. А я смотрю на него.

Вошедшего мужчину нельзя назвать красивым. Скулы резкие, будто вырубленные топором, с едва заметным шрамом в виде тонкой белой нитки на левой щеке. Подбородок упрямый с многодневной небритостью. Нос слегка кривой, сломанный когда-то и не сросшийся правильно. Брови густые и тёмные. Правая чуть приподнята, придавая лицу вечно скептическое выражение. А глаза... Глаза тёмно-серые, как грозовые тучи, как дым после выстрела. В его взгляде нет мягкости, но есть что-то другое, неуловимое и глубокое. Его губы обветрены, и когда он улыбается, левый уголок поднимается над правым. Ему идёт улыбка. Жаль, что он улыбается слишком редко.

Этот человек кажется мне смутно знакомым. И пока я раскладываю всё необходимое, пытаюсь вспомнить, где я могла его видеть раньше. Он садится на кушетку и задирает больничную пижаму, обнажая рельефные мышцы. Бросаю быстрый взгляд в его сторону и вспыхиваю, а мои пальцы против воли начинают дрожать.

– Мы с вами где-то раньше встречались?

Подхожу к нему, снимаю использованные бинты, осматриваю шов, наношу антисептик и снова перевязываю. На сильном теле много шрамов: пулевых, ножевых, старых и новых. Заворожённая зрелищем, в самый последний момент отдёргиваю пальцы, чтобы не погладить толстую белёсую линию.

В его глазах мелькает мука, но тут же уступает место привычной мрачности.

– Не думаю, Ангел.

Краем глаза замечаю, как напрягается Максим. Он всегда помогает мне со сложными пациентами, когда те переходят границы дозволенного, но сейчас явно не тот случай. Пациент уже готов уйти, но я продолжаю держать его за руку. И вспоминать.

Пять лет назад. В такую же сырую слякотную осень я, студентка медицинского колледжа, бегу на остановку, стараясь вернуться домой засветло, чтобы не стать новой жертвой маньяка. А потом, пугаясь собственной тени, врываюсь в подъезд и взлетаю на свой этаж.

– Его поймали!

В голосе мамы слышится торжество и облегчение. Она сидит перед телевизором, где идёт прямая трансляция следственного эксперимента, во время которого убийца рассказывает о своих преступлениях. Волосы шевелятся от подробностей, а к горлу подкатывает тошнота. Я опускаюсь рядом с мамой. А несколькими днями позже, внимательно изучая криминальную хронику в газетной статье, я вижу фотографию его. Того, кто спас наш город от маньяка. Того, кто на долгие годы стал моим кумиром. Того, кого не узнала в этом небритом и вечно хмуром мужчине.

– Это вы. Вы Олег Воронов.

Он поднимает на меня взгляд, полный досады. И я не понимаю причины.

– Вы тот самый герой...

– Никакой я не герой! – раздражённо выплёвывает он, поворачиваясь спиной и покидая перевязочную.

А я остаюсь смотреть ему вслед. Спаситель нашего города... Теперь он здесь, злой и раненый.

Глава 3

Олег

Герой... В голове до сих пор звучит певучий голосок Ангела. Стоит смежить веки, как я вижу её глаза, два бездонных озера, сияющие восторгом и восхищением.

– Девочка, если бы ты только знала... – слова вырываются с хрипом.

Доковыляв до палаты, падаю на больничную койку. К счастью, мои соседи заняты собственными хлопотами: кто-то играет в карты, кто-то в домино, кто-то обсуждает политику. И никому нет дела до сдавшегося пять лет назад труса.

Прикрываю глаза, проваливаясь в воспоминания.

Дождь. В этом чёртовом городе всегда льёт дождь, неотступно следуя за каждым жителем. Он стучит по жести крыш, как слепой по клавишам расстроенного пианино. Мой кабинет пропах плесенью, дешёвым табаком и кровью. Той самой, что запечатлена на фотографиях, разложенных передо мной.

Четыре девушки. Вернее, то, что от них осталось.

Лера. Нашли в канаве на окраине города. Марина. Обнаружили в канализационном коллекторе. Катя... Катю удалось опознать только по вытатуированной на бедре розочке, которую она гордо показывала в баре. И теперь Злата. Все убийства имеют одинаковый почерк, а ещё все жертвы работали в «Лабиринте».

Я закуриваю. Пепел падает прямо на разбитую губу Златы, и я смахиваю его со снимка. За окном ветер воет, как те девчонки, чьи крики никто не услышал.

Их никто не искал.

Родные? Вздыхают в трубку: «Мы лет восемь её не видели». Друзья? Разбежались, как тараканы от света. И только я сижу над этими фотографиями, чувствуя, как в горле встаёт ком: не то от злости, не то от стыда.

Расследование идёт медленно, со скрипом. Кто-то доносит на местного психа. Говорят, что его видели в том клубе рядом с одной из девочек. Беру парня в разработку. Буквально не вылезаю из участка. Признание почти у меня в кармане, но что-то не даёт мне покоя: псих не помнит важных деталей, не смакует подробностей, как должен это делать маньяк. И вот, как ответ на все вопросы, поздно вечером раздаётся звонок.

Звонит сестрёнка Златы. Она говорит такое, от чего у меня поднимаются волосы на затылке, и я срываюсь в ночь.

– Злата уходила с ними...

Девчонка трясётся и заикается от страха. Мы сидим в шумном баре, но я слышу каждое её слово, произнесённое тихим шёпотом. Сколько ей? На вид не больше восемнадцати. Ей бы дома сидеть, а не демонстрировать своё нежное тело тупоголовым толстосумам.

– Они все уходили с ними...

Судорожно оглядывается, чтобы убедиться, что нас никто не слышит. Но все посетители бара заняты своими делами, вернее, стаканами и уровнем их наполненности.

– С кем? – спрашиваю я, незаметно опуская ладонь на рукоять пистолета.

– С Мухой, – прячет голову и еле шевелит губами. Мне приходится напрячь слух. – И его друзьями.

– Кто это?

– Глеб. Глеб Мухин. Племянник...

– Мэра, – заканчиваю за неё.

Её прорывает. Она рассказывает про Глеба и про каждого участника его банды. Богатенькие отморозки, возомнившие себя чистильщиками трущоб. Она плачет, а я обещаю засадить каждого.

Коньяк в стакане золотится, как звёзды на погонах полковника, когда я врываюсь в кабинет начальника.

– Твоё здоровье! – Шеф салютует мне и залпом опрокидывает янтарную жидкость. – Подозреваемый во всём сознался. Вот, – он протягивает мне исписанный синими чернилами лист. – Признательные показания.

Я вглядываюсь в неровные каракули, а начальник продолжает вещать:

– Это твоя заслуга. Ты хорошо поработал. Это определено повышение. Повышение и премия.

Слушаю пафосную речь и закипаю от гнева. С трудом удерживаюсь, чтобы не скомкать лист.

– Самооговор. Василий Николаевич, парень никого не убивал. Он не знает, где бросил трупы, не помнит, какие удары наносил. Он же все следственные эксперименты провалил!

Рассказываю шефу всё, что мне успела поведать Рада, сестрёнка Златы.

– Надо допросить Мухина и его банду. Их всех надо арестовать!

Василий Николаевич хмурится.

– Олег, я ценю твоё рвение. Но преступник уже найден. Завтра об этом объявят прессе.

– Василий Николаевич, это ошибка. И ценой её будут новые смерти.

– Не будут.

Шеф закуривает сигарету и выдыхает в потолок дым.

– Ты – наш лучший оперативник, но даже лучшие из лучших иногда ошибаются. Ты поверил рассказам какой-то проститутки. Её, конечно, можно понять: она напугана, у неё совсем недавно погибла сестра. Вот только у всех, кого она оговорила, есть железобетонное алиби. Мухин уже месяц, как улетел на лечение в Швейцарию. Остальных тоже нет в стране.

– Парень невиновен.

– Это уже суд решит.

Я молчу, и шеф принимает моё молчание за согласие.

– В общем, надень завтра парадный китель для прессы, награды не забудь. Ведь ты теперь герой, спасший город от маньяка. Премию в конце месяца получишь, на юг съездишь, отдохнёшь. И забудешь об этой истории, как о страшном сне...

Шеф осекается и вздрагивает, когда ему на стол с металлическим лязгом падает мой нагрудный жетон, следом летит удостоверение. Самым последним я кладу табельный «Макаров».

Церемонию награждения я смотрю по старому пыльному телевизору, глотая водку из горла. Василий Николаевич произносит торжественную речь, объясняет моё отсутствие какой-то острой производственной необходимостью на благо города и страны. А дальше на меня обрушивается слава. Липкая, как старая повязка на гноящейся ране.

Я сижу в баре. Здесь неоновые огни режут глаза, а виски слишком разбавлен, чтобы дать блаженное забытьё. На стене за стойкой висит газета. С моим лицом. И заголовком: «Полицейский, спасший город».

Ложь.

Бармен, жирный, с потными ладонями пододвигает мне четвёртую стопку:

– За счёт заведения, герой.

Я опрокидываю. Стекло бьётся о зубы.

Я не герой.

Настоящий маньяк там, в Швейцарии, пьёт дорогое вино и смеётся над нами. А я...

Я – ширма. Портрет. Дурацкая вывеска, которую повесили, чтобы город поверил в закон.

А ночью, вернувшись в квартиру и включив свет, извлекаю из ящика стола папку, которую тайком вытащил из архива. В ней фотографии девушек, за которых так никто и не ото-

мстил. Пальцами ощущаю глянцевую гладкость снимков. Лера, Марина, Катя, Злата. Здесь они ещё молоды и красивы, и не обезображены рукой палача.

Из потайного сейфа достаю купленный на чёрном рынке глок, проверяю магазин и кладу сверху на папку.

– В этом городе царит произвол. Кто-то должен навести в нём порядок.

Ливень за окном превращается в вертикальную толщу воды.

Город не спит.

И я теперь тоже.

Глава 4

– Обе-е-ед! – зычный голос раздатчицы вырывает из тягостных флешбэков. – Все на обед!

Побросав дела, пациенты нестройной вереницей тянутся к выходу из палаты. Я подхожу последним, получаю порцию больничного супа и какой-то размазни, гордо именуемой кашей, и возвращаюсь на своё место. После первой же ложки намерение свалить из клиники лишь усиливается. Нет, пища вполне съедобна и наверно питательна, но пресна. К тому же после неё остро тянет закурить, а нельзя: лечащий врач, как его там, Максим, строго запретил мне это, и Ангел Алиса тщательно следит за моим состоянием, а мне не хочется её расстраивать. И я нахожу забавным хоть ненадолго побыть примерным мальчиком, но скоро я отсюда свалю, как только лёгкое немного затянется.

В последнее время ломка становится особенно невыносимой, и я уже готов нарушить запрет, наплевав на последствия. Последнюю сигарету я выкурил, когда шёл за Верой. С того дня прошло полнедели. От воспоминаний рот наполняется вкусом табака, а пальцы дёргаются, стряхивая пепел с фантомного окурка. Не хватает ещё виски. К сожалению, разбавленный чай похож на него только цветом.

После обеда мои соседи возвращаются к прерванным делам, а я к призракам прошлого.

И снова вечер. Нудный дождь. Бар с самым дешёвым пойлом в округе и соответствующим контингентом. В кармане вибрирует телефон. Вытаскиваю его, не глядя на номер, и кладу на стол экраном вниз. Пусть звонит. Пусть хоть сорок раз на дню звонит. Все эти журналисты, блогеры, «правдорубы» – им всем нужно одно: мёртвая легенда, удобная картинка, а не живой человек с запятнанной совестью.

Нестерпимо хочется курить. Зажав сигарету в зубах, я одной рукой подношу зажигалку, а второй прикрываю её пламя от сквозняка. Первая затяжка – и горький дым заполняет лёгкие, как старый друг. Он обжигает, но это хорошая боль. Знакомая.

В баре за стойкой бармен, тот самый, с вечно потными ладонями и желтоватыми ногтями, подводит мне стакан.

– Опять пресса? – хрипит он, вытирая бокал тряпкой, которая явно не знала, что такое чистящее средство.

Я выдыхаю дым колечками, наблюдая, как они растворяются в тусклом свете неоновых огней. Телефон замолкает.

– Герой, – усмехается бармен.

Сигарета тлеет между пальцев. Я затягиваюсь снова, глубже, будто пытаюсь втянуть в себя весь этот проклятый город – его грязь, ложь, кровь. Дым щиплет глаза, но я не моргаю.

Тянусь к стакану. Его содержимое взрывается во рту жгучей горечью. Меня называют героем, но герои не прячутся в подворотнях, не бьют морды отморозкам, а после не стирают с рук следы крови перед тем, как зайти в помещение. Герои выходят к миру с открытым лицом. А я не герой.

Смотрю на сбитые до мяса костяшки.

Накануне я снова был в «Лабиринте», хотел узнать, как дела у Рады, сестрёнки Златы, но её там не оказалось. Она не вышла на работу. Предчувствуя дурное, узнал её адрес и приехал к ней домой. После долгих уговоров Рада открыла мне дверь, но то была не она. Не та девчонка с пусть испуганными, но живыми глазами, а избитая тень. Я не знаю, каким надо быть зверем, чтобы так обойтись с человеком, слабым и беззащитным.

– В полиции не приняли заявление, – прошептала Рада.

– Имя? – коротко спросил я. И она назвала.

Я нашёл его через час. Он сидел с друзьями в баре, пил виски, смеялся. Когда он увидел меня, то лишь недоумённо пожал плечами. В его взгляде читался немой вопрос. Я показал ему фотографию Рады.

– Узнаешь её?

Его глаза округлились. Он всё понял.

Первый удар сломал ему нос, второй выбил зубы. Я не остановился, пока его мерзкая рожа не превратилось в кровавое месиво, пока он не начал хрипеть, умоляя о пощаде.

– Если тронешь ещё хоть одну – вернусь, – сказал ему на прощание.

А потом я заехал в банкомат и снял с карты все грязные деньги: всю премию, выданную в качестве платы за молчание. Их я отдал Раде.

– За что? – прошептала она, сжимая конверт так, что её пальцы побелели.

– Чтобы ты завязала с этим дерьмом, – ответил я. – Найди нормальную работу.

Она не плакала. Только кивала и благодарила.

Бармен подливает виски в опустевший стакан и косится на мой разбитый кулак. Выпиваю залпом, делаю последнюю затяжку и гащу окурков в пепельнице. Заведение, как всегда, забито под завязку. До меня доносятся голоса. Люди что-то обсуждают, планируют. А я слушаю. И вглядываюсь. И запоминаю. Я сдал жетон, но бывших оперов не бывает.

– Пора принимать лекарства!

В палате появляется медсестра. Отрываюсь от размышлений и от созерцания больничного двора за окном. Смотрю на вошедшую девушку. Молодая, хорошенькая, но не Ангел. Кто-то начинает с ней заигрывать, но она строго отбивает шутников.

– Где Алиса? – спрашиваю я.

– У Алисы Александровны закончилось дежурство. Так что этим вечером я за неё.

Медсестра выдаёт горсть таблеток и следит за тем, чтобы я всё принял. Я не спорю. Мне нужно как можно скорее отсюда выбраться, и дело не только в сигаретах. Меня ждёт город: обидчик Рады стал первым, кто ушёл от заслуженного наказания, но не от возмездия. У меня есть свои осведомители. Те, кто понимает, что происходит в трущобах, куда не дотягиваются руки закона. Они знают мой номер и звонят, чтобы сообщить имена, места, детали. А я проверяю. И если информация правдива, то в дело вступает Ворон. Его поступь не слышна, а правосудие неотвратимо. В кварталах для нищих он – последняя надежда на порядок.

– Кто-то стрелял в меня, – бормочу я, когда медсестра уходит. – Я должен выяснить, кто.

Глава 5

Алиса

Переодеваюсь и вешаю белый халат в шкаф, шапочку кладу на полочку для головных уборов. Смена окончена, и я наконец-то могу вздохнуть свободно. В коридоре бросаю взгляд в сторону палаты, где лежит главный пациент нашей больницы, и выхожу. На улице уже темно. Осенний воздух обжигает щёки, но мне это даже нравится.

Дождь прекратился, и я неспешно иду на остановку, старательно обходя лужи. Кратчайший путь лежит через сквер, где в хорошую погоду бабушки кормят голубей, а подростки катаются на самокатах и скейтах, но сейчас там пусто и тихо. Нерешительно останавливаюсь, вглядываясь в тёмные аллеи, и, опустив руку в карман плаща, дотрагиваюсь до перцового баллончика. Вздрагиваю, когда за спиной раздаётся знакомый голос:

– Алиса!

Оборачиваюсь. Максим догоняет меня, ключи от машины позвякивают в его руке.

– Я тебя подвезу.

– Да тут недалеко до остановки...

– В этом районе небезопасно, да и что ты будешь мёрзнуть в ожидании автобуса или трамвая?

Он говорит это всякий раз, когда совпадают наши смены, и я всякий раз сначала отказываюсь, но потом соглашаюсь. Максим – хороший парень, добрый, надёжный. Коллеги уже шепчутся, что между нами что-то есть. Но между нами только дружеская забота.

– Ладно, – соглашаюсь с улыбкой. – Спасибо.

В машине пахнет кожей и пластиком. Максим включает климат-контроль и подогрев сиденья.

– Замёрзла?

– Немного, – признаюсь я, подставляя озябшие ладони под тёплый обдув.

Максим ведёт автомобиль аккуратно, как и всё, что делает в жизни. Смотрю в окно на мелькающие фонари и невольно думаю о нём. О Воронове.

Тогда пять лет назад, он был героем, и я не подозревала, что когда-нибудь познакомлюсь с ним достаточно близко. А теперь... Теперь он лежит в нашей больнице, подстреленный и вечно хмурый. И когда он смотрит на меня своими серыми глазами, мне кажется, будто вижу грозовое небо перед дождём: такое же тяжёлое, налитое болью, но бесконечно живое. И мне хочется прикоснуться к нему, разгладить глубокие морщины на лбу, пальцами провести по подбородку и ощутить колкую небритость многодневной щетины. Увидеть его ответную улыбку и прильнуть к едва заметной ямочке на левой щеке, которая появляется в те редкие минуты, когда он улыбается. В такие моменты он выглядит почти мальчишкой, тем самым, каким был до того, как жизнь искромсала его в клочья.

Он называет меня «Ангелом». Пожалуй, это самое забавное в сложившейся ситуации. Потому что, если бы он знал, какие неангельские мысли иногда посещают мою голову... Вот, например, сейчас.

Прикрываю лицо ладонью, чтобы скрыть от Максима залитые жаром щёки и кончики ушей, но тот смотрит на дорогу.

Я не знаю, что произошло с моим героем за эти пять лет. Мне остаётся только догадываться. Или спросить. При следующей встрече.

Машина останавливается у моего дома.

– Спасибо, – говорю я Максиму, но он уже выходит, чтобы проводить меня до подъезда. Убедившись, что внутри светло и нет посторонних, он поворачивается ко мне.

– Кажется, там вполне безопасно?

- Всё в порядке, – киваю я.
- Тогда до встречи?
- До встречи.

Максим ждёт, пока я зайду в подъезд. Я машу ему рукой и поднимаюсь на четвёртый этаж.

В квартире, доставшейся мне в наследство от бабушки два года назад, пахнет лавандой и старыми книгами. Зажигаю верхний свет, ставлю чайник. Пока он закипает, открываю окно и включаю радио. Играет джаз.

Труба Чета Бейкера заполняет комнату, как тягучий мёд, обволакивает стены, потолок, мои уставшие плечи. Снимаю заколку, и волосы падают на спину. Первый шаг босыми ногами по прохладному паркету. Закрываю глаза. Тело само вспоминает движения.

Плавный взмах рукой, лёгкий поворот бёдер. Я не танцую – я растворяюсь в звуках. Пальцы рисуют в воздухе невидимые узоры. Ветер из распахнутого окна ласкает кожу, смешивается с запахом лаванды. Я кружусь и смеюсь про себя: вот бы мои пациенты увидели свою строгую медсестру сейчас.

Внезапно представляю, как он – высокий, угрюмый, весь в шрамах – стоит в дверях и смотрит. Как его серые глаза темнеют, скользят по моей фигуре. Как он делает шаг вперёд... Ко мне...

Открываю глаза. Комната пуста. Его нет...

Слышится свист чайника. Снимаю его с плиты, бросаю в чашку заварочный пакет с ромашкой и заливаю кипятком. Пока чай настаивается, стою у окна и смотрю на тёмные улицы. Снова начинается дождь. Он заводит свою мелодию, смешиваясь с ритмами джаза, стучит по крышам и зонтам редких прохожих. Закрываю окно, и обрушившаяся с небес вода смывает с него накопившуюся грязь и пыль.

Возвращаюсь за стол и делаю глоток остывшего чая. Он горький, как и мои мысли: я не увижу Олега целых два дня. Достаяю из холодильника молочную плитку. Ромашковый чай с кусочком шоколада – мой любимый вечерний ритуал, после которого следует душ и чтение книги.

Завтра я поеду на другой конец города, чтобы навестить маму, встречу с подругой, а после загляну в бассейн.

– Как будто в нашем городе и так мало воды! – смеюсь собственным мыслям, поглядывая на разбушевавшуюся за окном непогоду и радуясь, что успела домой до дождя.

Но на самом деле каждую свободную минуту я буду смотреть на телефон, и тайно, не признаваясь самой себе, надеяться, что случится форс-мажорная ситуация, и меня срочно вызовут на работу.

В такие вечера, как этот, когда мне особенно одиноко, я достаю с верхней полки книжного шкафа старый фотоальбом, листаю страницы, смотрю на фото отца, погибшего в страшной аварии, после которой я и решила стать медсестрой. Но долго не задерживаюсь: некоторые раны лучше не тревожить.

Включаю любимый бабушкин ночник и засыпаю под стук дождя по подоконнику, надеясь, что во сне ко мне придёт он, мой герой с глазами цвета грозового неба.

Глава 6

Два дня выходных тянулись бесконечно медленно. Я навестила маму в её маленькой квартирке на окраине. По своему обыкновению она накормила меня досыта вкуснейшими сырниками с малиновым джемом и завалила расспросами о моей работе и о том, почему же я до сих пор не замужем.

– Максим такой хороший молодой человек, – вздыхала она, – добрый.

– Да, – соглашалась я, – хороший.

– С ним бы ты была в надёжных руках, – продолжала мама, но я лишь отмахивалась, думая о других руках: в шрамах, со сбитыми костяшками.

Потом я встретила с Леной, подружкой по колледжу. Мы сидели в кафе, и она, увидев мой рассеянный взгляд, сразу заявила:

– Лиска, ты чего, влюбилась, что ли?

– Что?! Нет, конечно! Скажешь тоже!

– А на телефон что посматриваешь? Звонка ждёшь?

– Мало ли, вдруг с работы позвонят!

– Ну да, ну да, а там Максим!

– Да что вы заладили со своим Максимом? Мы просто коллеги!

Слова подруги впились в мозг, и вечером, плавая в бассейне, я обдумывала наш разговор. Два часа я нарезала круги, пока мышцы не заныли от усталости. Вода смывала все мысли, но не смогла избавить от одного образа: высокого, угрюмого, с глазами цвета бури.

И вот, наконец, утро рабочего дня.

Я ставлю на стол Максима бумажный стаканчик с кофе и свежий круассан, купленные в пекарне по пути в клинику.

– Спасибо, – он улыбается, но я уже спешу в перевязочную.

Меня ждут пациенты. Дядя Коля привычно шутит про царство хлорки, бабушка Клава выглядит гораздо бодрее, чем в нашу последнюю встречу. Причина оказывается достаточно тривиальной: накануне её навестила внучка.

Олег приходит позже всех, как всегда. Шаркает босыми ногами в казённых тапочках, но в глазах уже нет той мутной боли, только колючая решимость.

– Садитесь, – говорю, разворачивая бинты.

– Не стоит. Я пришёл попрощаться.

– Что? – мои пальцы замирают в воздухе. – Вам ещё минимум неделю!

– Я в порядке.

– Вы едва держитесь на ногах!

Олег усмехается. Его рука произвольно тянется к груди, где под пижамой скрывается заживающий шов.

– Ангел, не надо меня спасать.

В его взгляде непреклонное упрямство. Я с сожалением вздыхаю.

– Подождите здесь.

Выхожу из перевязочной и тороплюсь в кладовую. Я собираюсь нарушить правила и потому иду слишком быстро, чтобы не передумать. Достая его вещи: пробитую на груди куртку, зашитую мной в одно из дежурств, разряженный телефон, джинсы, свитер и...

– Мой глок? – Олег в изумлении поднимает бровь и оглядывается, когда я отдаю всю грудку ему. – Ты рисковала.

– В суматохе о нём все забыли, – пожимаю плечами. – А потом... Потом не вспомнили.

Олег хватает оружие, проверяет магазин. Действует уверенно. Затем неожиданно берёт мою ладонь, впервые намеренно. Его пальцы шершавые, тёплые.

– Спасибо.

Опустив руку в карман куртки, он извлекает оттуда какую-то поцарапанную визитку, переворачивает её и пишет что-то на обороте.

– На всякий случай, – говорит, протягивая мне.

На карточке номер телефона. Всего несколько цифр, но мои пальцы дрожат, принимая её.

– Если вдруг... – Олег не заканчивает.

Я хочу сказать, что он не прав. Что уходить ещё слишком рано. Что ему нужны антибиотики. Что город опасен, и его шов не зажил. Но вместо этого киваю:

– Берегите себя.

Олег уже в дверях. Ненадолго останавливается, бросает на меня быстрый взгляд и выходит. Я смотрю ему вслед, а после переворачиваю визитку. «Лабиринт» – написано на лицевой стороне.

Максим заходит в перевязочную, доедая круассан.

– Что-то случилось?

– Нет, – убираю визитку в карман. – Просто выписался сложный пациент.

Я чувствую, как бумажка жжёт бедро сквозь ткань халата.

Олег

Выхожу из больницы и впервые за две недели вдыхаю полной грудью. Дождь только что закончился, асфальт блестит под тусклыми фонарями. В кармане лежит пистолет, тот самый, который Ангел сохранила для меня. До сих пор чувствую на ладони тепло её пальцев, когда передавал ей визитку. Глупо. Очень глупо оставлять следы, связывать себя с кем-то. Особенно с ней. Особенно сейчас. Но когда она развернула мою куртку, и я увидел аккуратные стежки на подкладке... Чёрт. Никто не возился с моими вещами вот так, с такой заботой. А ещё она сохранила для меня пистолет. Я бы ушёл раньше, но задержался, чтобы попрощаться с ней. В другое время с удовольствием бы пригласил её на чашечку кофе, но Ангел принадлежит иному миру, чистому, где нет места грязи. Надеюсь, ей никогда не придётся воспользоваться моим номером.

Нашарив в кармане полупустую пачку и зажигалку,жимаю сигарету зубами, подношу огонь и с блаженством затягиваюсь прямо на крыльце клиники и делаю шаг вниз. Кашляю, когда дым обжигает больное лёгкое. Мне некуда идти, разве что в полупустую холостяцкую берлогу на окраине, где меня никто не ждёт. И где настолько тоскливо, что я предпочитаю и вовсе там не появляться, нося при себе всё необходимое: деньги, глок, сигареты и зажигалку.

Ноги сами ведут меня к «Лабиринту». Там есть виски, музыка, девочки и там работает Вера. Пальцы сжимаются в кулак при мысли об этой двуличной твари. Застану ли её там? Если у неё есть мозги, то она больше никогда не появится в клубе. Продажная шкура. Сколько ей заплатили за меня? И, главное, почему не добились? Не хотели? Или их кто-то спугнул? Я должен всё выяснить.

«Лабиринт» встречает меня знакомой смесью запахов дешёвого алкоголя, терпкого, сладкого до тошноты, парфюма, удушливого пота. Охранник на входе сторонится, без слов пропуская внутрь. Подхожу к барной стойке:

– Виски.

Гриша, бармен, ставит передо мной стакан и плещет в него янтарную жидкость. Опрокидываю в себя.

– Где Вера? – спрашиваю его. – Она уже пришла?

Бармен качает головой.

– Она здесь не появлялась. С неделю как.

– Где же она?

– Да кто же её знает? Может, подцепила богатого папика и ублажает его за оверпрайс. Соскучился, что ли?

Гриша хмыкнул. Он в курсе, что постоянный клиент Веры – я.

– Может, и соскучился, – пожимаю плечами. – В больничке неделю провалялся, сейчас бы бабу какую-нибудь.

– Так, выбирай любую.

– К Вере привык. Не знаешь её адресок, случайно?

– Я-то знаю, а ты почему нет?

– Как-то нужды не было.

Протягиваю Грише банкноту. Тот прячет её в карман и шепчет мне адрес.

Что же, я иду к тебе, Вера. И если ты достаточно умна, то уже давно свалила отсюда.

Глава 7

Серые сумерки окутывают город, словно грязная марля. Воздух тяжёлый, наполненный гарью и отчаянием. Я стою перед дверью в убогое пристанище на окраине. Здесь даже стены пропитаны безнадегой, а тараканы дохнут от подъездной вони. Думаю, хозяева квартир приплачивают арендаторам, чтобы те не съезжали.

Вера... Удивительно, что такая яркая женщина живёт в подобном клоповнике. Я бы не рискнул появиться в этом районе без оружия. Рука самопроизвольно тянется к пистолету, но я останавливаю себя. Нет, сначала вопросы. Она расскажет мне. Расскажет всё. Потом... потом посмотрим.

Стучу и слышу приглушённые шаги за дверью. Вера дома. Какая беспечность: кинуть Ворона и не свалить на другой континент. Закрываю ладонью глазок и жду.

Дверь осторожно приоткрывается на цепочке. Я вижу лицо продавшей меня женщины. Её глаза огромные, испуганные, будто перед ними только что предстал призрак.

– Олег... я...

Бью плечом в дверь. Дерево трескается, цепочка рвётся. Врываюсь внутрь.

Вера не успевает вскрикнуть. Её тонкое тело отлетает к стене. Я хватаю её за горло, прижимаю. Чувствую, как под пальцами бьётся её пульс. Она сипит, царапает мне руки в бесплодных попытках вырваться. Сильнее зажимаю в тисках. Лицо её багровеет. Глаза вылезают из орбит.

– Почему? – мой голос звучит чужим, хриплым.

Она не может ответить. Её зрачки расширяются, а губы начинают синеть.

Эти синеющие губы, издающие сейчас грубые гортанные звуки, ещё совсем недавно шептали мне какой-то ласковый бред в тесной темноте подсобки. Её щека прижималась к моему лицу, царапаясь нежной кожей о небритый подбородок. Её бёдра дрожали под моими ладонями.

Отшвыриваю её на пол. Вытираю руку об джинсы. Мне противно к ней прикасаться.

Вера падает, давится кашлем, слезами, трёт шею.

– Прости... – она хрипит. – Они обещали... не убьют тебя...

Я достаю пистолет. Не чтобы стрелять. Просто чтобы она видела.

– Кто?

Она смотрит на ствол, потом на дверь соседней комнаты и на меня. В её глазах животный ужас.

– Не надо!

– Кто? – повторяю с нажимом.

– Не стреляй... пожалуйста...

– Кто? – Щёлкаю магазином, присаживаюсь перед ней на корточки и доверительно сообщая: – В обойме семнадцать патронов. Хватит и на тебя, и на свидетелей. Хотя твои соседи, скорее всего, не высунутся из квартир даже на звуки взрыва.

– Я не знаю, правда, не знаю, – Вера отчаянно плачет. И почему-то я начинаю ей верить.

– Сколько? – задаю новый вопрос.

– Что? – Она не понимает или делает вид.

– Сколько тебе заплатили за меня.

– Нисколько...

– Не верю.

– Нисколько! У меня не было выбора! – Вера кричит и осекается, когда дверь соседней комнаты открывается и оттуда с загипсованной ногой на костылях выходит долговязый подросток.

– Ма-а-ам? – спрашивает он, переводя испуганный взгляд с неё на меня. – Что происходит?

– Ничего, милый. – Как же преображается лицо Веры, когда она говорит с сыном. В глазах светится нежность, а в голосе звучит материнская мягкость. – Всё в порядке. Вернись в свою комнату. Мне надо поговорить со старым знакомым.

– Всё нормально? – не унимается мальчишка. Сколько ему: лет тринадцать?

Незаметно убираю глок под куртку, чтобы не пугать ребёнка.

– Да, Саш, – кивает Вера. – Это дядя Олег. Он скоро уйдёт.

– Ну-у-у... ладно, – Саша нерешительно соглашается, бросает на меня настороженный взгляд и скрывается за дверью.

Вера прячет лицо в ладонях. Она так и продолжает сидеть на полу. Её плечи вздрагивают. А я, кажется, начинаю понимать, в чём дело.

– Сашка – всё, что у меня есть. Его отец бросил нас, когда узнал о беременности. Я не решилась сделать аборт тогда, надеялась, что он опомнится и вернётся. Дура набитая. Не опомнился. Не вернулся. Родители от меня отказались. Мне пришлось уйти из балетной школы. Думала, продолжу учиться после академа, но... Не было смысла. На зарплату балерины всё равно не проживёшь. А Сашка... Он, знаешь, какой хороший? У него в школе одни пятёрки. Я ему репетиторов нанимаю, чтобы он учился в самой лучшей гимназии, чтобы у него одежда была нормальная, телефон. Дети ведь такие злые, готовы затравить любого, кто отличается от них...

Вера говорит, а я оглядываюсь по сторонам, подмечая малейшую деталь. Порядок и чистота в её квартире настолько контрастируют с грязью и вонью не только подъезда, но и всего района, что кажутся чем-то нереальным. На стенах висят совместные фотографии её и сына. В шоке опускаюсь на диван. Я знаю Веру достаточно давно, но её слова становятся для меня откровением: она слишком тщательно оберегала свой маленький мирок от посторонних.

Вера, наконец, поднимается с пола и пересаживается на стул.

– Его сбила машина две недели назад, – голос у неё прерывистый. – А потом... Потом мне позвонили и сказали, что следующий удар станет смертельным. И если я не хочу потерять сына, то сделаю, как они прикажут.

Она сжимает кулаки, глядя на закрытую дверь, за которой находится Саша.

– Они знали, что ты приходишь ко мне. Знали, что я единственная, кого ты...

Не договаривает. Не нужно.

Я отворачиваюсь к окну. За стеклом серый, больной город. Тот самый, за который я когда-то был готов умереть.

– Они обещали, что не убьют тебя. Только накажут, – Вера всхлипывает, и я перебиваю её.

– Почему ты не сказала мне?

Она поднимает на меня красные воспалённые глаза.

– Мне запретили.

– Нет. Почему ты ни разу не заговорила со мной о сыне? Я только сейчас узнаю, что у тебя, оказывается, есть ребенок.

– Как будто тебе есть дело до моей жизни? – Вера грустно усмехается. – Кто я для тебя? Стриптизерша и шлюха, хоть ты и был моим единственным клиентом.

Поднимаюсь с дивана. Эта напуганная женщина вряд ли скажет мне больше. Достāju бумажник, извлекаю из него пачку купюр и бросаю на журнальный столик.

– Купи малому витамины.

– Спасибо.

Вера собирает деньги дрожащими руками. Она не отказывается. И я понимаю, что её гордость давно сломлена нуждой и желанием во что бы то ни стало вырвать сына из нищеты, дать ему другую жизнь.

– Если вспомнишь что-то важное, ты знаешь, где меня найти.

Глава 8

– Да, – лепечет Вера в ответ, и я выхожу из квартиры.

Дверь с глухим стуком захлопывается за мной.

– Чёрт!

Руки дрожат. Не от слабости. От ярости, которая ещё не остыла, но уже превращается в стыд. Достаю сигарету. Закуриваю.

– Я чуть не убил её.

Сжимаю кулаки, разжимаю. Пальцы помнят тепло её шеи, как она хрипела, как глаза полезли на лоб.

Паскудство!

Я никогда не бил женщин. Руку ни на одну, ни разу не поднял. Ненавидел тех, кто обижает слабых. А сейчас? Я чуть не стал тем, кого ненавижу.

Ветер бьёт в лицо, но мне плевать. Иду по грязному переулку, и в голове крутится одно: почему её предательство настолько сильно вывело меня? Я что, считал её своей? Смешно. Она – ночная бабочка, я – клиент. Всё. Никаких чувств, никаких обязательств. Никаких разговоров по душам.

Но тогда почему мне так больно? Не от раны в пробитом лёгком. Глубже.

Потому что где-то внутри себя я поверил в её игривые слова и признания, произнесённые в моменты страсти? Потому что её смех и притворная нежность вдруг, оказалось, имели значение для замкнутого одиночки? Может, потому я и пришёл за ней в тот день?

А она подставила меня.

– Нет, не так, – мотаю головой и снова затягиваюсь. – Ей угрожали. Обещали убить сына.

Сын... Сашка... Её миниатюрная копия. Она ни разу не обмолвилась о нём. Я для неё просто клиент. Не станет же она рассказывать клиенту, что её сын занял первое место на олимпиаде или получил четвёрку за контрольную по физике.

Я останавливаюсь, опираюсь о мокрую стену. Кто я после этого?

Раньше я знал ответ. Я был тем, кто наводит порядок. Тем, кто защищает.

А сейчас? Я чуть не задушил женщину в припадке ярости.

Мерзко. Я просто убийца, который ещё не сделал последний шаг.

Вытираю ладонью испарину со лба. Нужно напиться.

«Лабиринт» встречает меня всё тем же удушливым запахом духов и разложения.

Гриша за стойкой поднимает бровь:

– Вернулся? Нашёл Веру?

– Угу, – сажусь на барный стул. – Нашёл. Плесни чего покрепче.

– А что так? Она тебе не обрадовалась?

Протерев стакан, Гриша наливает виски. Выпиваю залпом и кривлюсь.

– Не обрадовалась. Плесни ещё.

Гриша ставит передо мной бутылку.

– Пей сколько хочешь.

И я пью. Огонь растекается по горлу, но не глушит стыд.

– Выбери другую. Сколько их тут, – Гриша обводит взглядом помещение.

Я морщусь:

– Не хочу.

– Как знаешь.

Бармен пожимает плечами и отворачивается к другим посетителям.

Рассвет я встречаю в обнимку с опустевшей бутылкой. Хлопаю себя по карманам в поисках сигарет, но пачка тоже пуста. Осоловевший Гриша пододвигает мне новую. Расплачиваюсь и закурываю.

Вываливаюсь из «Лабиринта», и промозглый воздух бьёт в нос, как удар бойца, заставляя кашлять. Голова гудит, ноги заплетаются, но я упрямо шагаю вперёд. Давно я так не напивался. Но алкоголь не помогает. Он только усугубляет пустоту внутри.

Я иду по грязным улицам, окутанным белёсым туманом, и город вокруг кажется чужим. Огни фонарей расплываются в глазах, тени на стенах шевелятся, как живые.

Я один. По-настоящему. Ни друзей, ни коллег, ни родных.

Кто остался?

Сам не замечаю, как меня выносит к маленькому ателье на цокольном этаже многоэтажки. Несмотря на ранний час окно тускло светится. Рада либо уже пришла, либо ещё не уходила.

Эта девчонка сумела правильно распорядиться деньгами, что я ей когда-то дал, желая как можно быстрее от них избавиться. Она отучилась на швею и устроилась на работу в швейную мастерскую, поднаторела и открыла своё ателье.

Останавливаюсь. Смотрю. Толкаю дверь. Не заперто. Рада поднимает голову и видит меня. Её лицо оживает.

– Олег!

Она откладывает работу в сторону и бросается ко мне.

– Ты пьян, – говорит Рада, но в её голосе нет осуждения. Лишь сухая констатация факта.

– Да.

– Садись.

Я плюхаюсь на стул. Она наливает мне воды.

– Пей, – просит Рада.

И я пью. Вода холодная, чистая. Не то, что та дрянь из бара. Вода освежает мысли.

– Ты выглядишь ужасно.

– Спасибо, – хриплю я.

Она садится напротив, смотрит мне в глаза.

– Что случилось?

Я молчу.

– Я же вижу: что-то произошло, – не унимается Рада.

– В меня стреляли.

– Как стреляли?! – ахает она, цепляясь взглядом за продырявленную и зашитую куртку.

– Кто?

– Не знаю.

– Думаешь, это из-за твоей работы сыщиком?

После ухода из органов я решил, что не стоит терять приобретённые знания, умения и навыки, открыл что-то типа детективного агентства. Но моими заказчиками были в основном обманутые мужья и жёны, требующие найти доказательства измен своих дражайших вторых половинок.

– Вряд ли.

– Может, чей-нибудь разобиженный муж, пойманный на горячем, решил таким образом отомстить?

– Хрен знает.

– Может, кто-то из прошлого?

Я вздрагиваю. Рада – единственная, кто знает о моей второй жизни, а точнее, догадывается. Взгляд её смягчается, и она меняет тему разговора:

– Олег, ты же знаешь, как я к тебе отношусь?

Усмехаюсь:

– Как к старшему брату?

– Почти, – улыбается она. – Ты тот, кто спас меня, дал шанс начать новую жизнь. И я тебя прошу: спаси теперь себя. Оставь всё это. Сам начни новую жизнь.

– Ради чего?

– Ради самого себя.

– Я нужен городу.

– Ты нужен себе! Найди правильную женщину, которая даст тебе стимул, раз одному сложно!

– У меня много незакрытых дел.

– Так закрой! Закрой, пока не поздно.

– Я не знаю, как жить по-другому.

– Я тоже не знала... А теперь... – Рада смущается и протягивает мне руку: – Угадай, что изменилось?

Рассматриваю её тонкие пальцы. На безымянном красуется простенькое колечко.

– Ты выходишь замуж?!

Она кивает:

– Свадьба через два месяца. Вот, платье себе шью.

Я только сейчас замечаю белый шёлк, над которым Рада так упорно трудилась в момент, когда я ввалился в ателье.

– Поздравляю. Рад за тебя.

– Спасибо, надеюсь, что скоро скажу тебе то же самое.

Из ателье я ухожу, когда появляется первая клиентка. Возвращаюсь в своё холостяцкое логово и замираю на пороге. Остатки алкогольных паров моментально выветриваются из меня. Нашупываю под курткой ствол и осторожно извлекаю. Прижимаюсь к стене, внимательно прислушиваясь: не раздаются ли из квартиры какие-либо звуки. А после осторожно толкаю висящую на одной петле дверь.

Глава 9

Квартира встречает меня сквозняком и хаосом. Холодный ветер врывается через разбитое окно, гуляет среди разбросанных вещей, шуршит обгоревшими листьями, поднимая мусор и пыль. Замираю на пороге. Пальцы крепко сжимают рукоять глока. Тишина. Никого. Только стекло хрустит под ботинками, да где-то капает вода из сорванного крана.

Осматриваюсь и прохожу внутрь. Мебель перевёрнута и сломана, диван вспорот, книги сброшены с полок. Кто-то искал что-то конкретное, воспользовавшись моим длительным отсутствием. В центре комнаты висится эмалированный таз с пеплом. Подхожу ближе, ворошу носком ботинка чёрную массу. Фотографии, распечатки переписок, ксерокопии чеков, заметки – всё, что копил годами, теперь превратилось в золу. Фотоаппарат разбит, объектив торчит из обугленного корпуса. Рядом с ним грудa оплавленного пластика, в котором я узнаю останки своего ноутбука.

Сгорело? Да и хрен с ним! Мне плевать на остатки этой бутафорской жизни. Всё, что меня интересует, это...

Одним прыжком оказываюсь у шкафа, срываю дверцы, сметаю одежду на пол. Ногти царапают фанеру, пока не нащупывают щель.

Щелчок.

Сейф. Металлический. Несгораемый. Тайный.

Руки вдруг становятся мокрыми. Сердце колотится так, будто я снова в том переулке, с дырой в лёгком.

Открываю.

Она тут.

Серая папка. Неприметная. Смертоносная.

Листаю дрожащими пальцами: досье на Мухина и его друзей, дело Свиридова – бывшего наркоторговца, схемы братьев Гладких – поставщиков живого товара зарубеж. И многое другое. Тщательно собираемое и хранимое с одержимостью маньяка. Всё на месте.

Выдыхаю. Только сейчас чувствую, как челюсть сводит от напряжения.

Быстро сую папку под куртку. Достаю дорожную сумку, кидаю кое-какие вещи, патроны, деньги, уцелевшие в сейфе документы, паспорта на разные фамилии.

На прощание оглядываю квартиру. Ну и погром! Своим расследованием я явно перешёл кому-то дорогу. Знать бы, каким именно. Возвращаю перевёрнутый журнальный столик в исходное положение, оставляю на нём для хозяев пачку купюр на ремонт. Они не виноваты, что в этих стенах велась война.

Больше нет смысла оставаться здесь. И я уйду в поисках нового жилья. Улица встречает меня лучами осеннего солнца и блеском луж. Хорошая погода – слишком редкая гостья в наших краях. Город просыпается, полусонные прохожие кутаются в куртки, спеша по своим делам. Я иду против толпы, перекинув сумку через плечо.

Мне нужно новое убежище. Какое уже по счёту? Без разницы. Итак, какие у меня варианты?

Первая мысль: найти временное укрытие в «Лабиринте». У клуба есть подсобки, каморки для персонала, думаю, попроси я Дамира Асхадова, его владельца об услуге, и для меня, как для постоянного посетителя, нашёлся бы там угол. Но в клубе слишком много глаз.

Мотель для дальнобойщиков или хостел в промзоне где-нибудь на окраине? Там не требуют документов и не задают вопросов. Имеется нехилый шанс проснуться с перерезанным горлом, зато анонимно.

Можно занять какое-нибудь заброшенное здание в той же промзоне или любую пустующую развалюху в аварийном доме. Я даже знаю несколько таких. Приходилось там прятаться во время операций.

Или снять комнату у какого-нибудь деда. В трущобах много пожилых людей, которым не хватает денег, но это значит, ненароком подставить старика. Но, на мой взгляд, лучше воспользоваться старым проверенным способом. Достая телефон и набираю знакомый номер одного подпольного арендодателя. Цена у него в три раза выше рынка, зато без документов и лишних вопросов.

– Мне нужна новая квартира, – говорю просто и без затей.

В ответ мне называют адрес и сообщают, где взять ключи. Что же, очень удобно. Устрою себе сегодня выходной в честь переезда. И отсыпной.

Алиса

Снова переворачиваю визитку в пальцах. «Лабиринт» – выцветшие буквы на потрёпанном картоне на лицевой стороне, а на обороте его неровные цифры, написанные наспех. Кладу карточку на тумбочку. Через минуту снова беру в руки. Проверяю, не стёрлись ли чернила.

«На всякий случай».

Он не договорил тогда. Эти три слова теперь крутятся в моей голове, как навязчивый ритм полузабытой песни.

Телефон лежит передо мной. Набираю номер. Стираю.

Зачем? Что я скажу ему?

«Вы выписались слишком рано. Нужно проверить ваши швы».

Нет. Это не причина звонить. Этот угрюмый мужчина лишь отмахнётся от моего искреннего желания помочь ему. Он сам сделает себе новую перевязку, предварительно залив заживающую рану алкоголем, и не поморщится.

Откладываю телефон. Проходит пять минут, и я снова беру в руки.

Нужен повод.

«Вы забыли лекарства» – смешно. Полбутылки виски на рану, полбутылки внутрь – вот и всё лечение.

«Максим Алексеевич спрашивал...» – враньё. Максим только вздохнул с облегчением, когда Олег ушёл.

Визитка мнётся в моих пальцах и отправляется в сумочку.

За окном темно, а на часах около полуночи.

– Слишком поздно для прогулок по улицам. – Правильная девочка внутри меня приводит достаточно веские аргументы в пользу того, чтобы остаться дома.

Её голос звучит убедительно. Я слушала её всю свою жизнь, но сегодня отмахиваюсь от её доводов. Смотрю в зеркало: джинсы, толстовка, неброский макияж. Неподходящий вид для постоянной посетительницы зланных мест. Извлекаю помаду и наношу её на губы густым красным слоем. Так-то лучше.

Бросаю в потайной карман к визитке перцовый баллончик и вызываю такси. Адрес клуба крепко засел в памяти. Впрочем, водителю достаточно одного названия, чтобы привезти меня на место.

Глава 10

Клуб встречает меня волной удушающего тепла, пропитанного запахом дешёвого парфюма, табака и чего-то кислого. Я замираю на пороге, ослеплённая мигающими неоновыми огнями.

Это не клуб. Это подвал ада.

На сцене полуголая девушка с выцветшими розовыми волосами медленно обвивается вокруг шеста. Внизу за столиками, мужчины в мятых рубашках что-то кричат, швыряют купюры. Одна банкнота прилипает к её потной коже, и она ловко снимает её зубами под одобрительный рёв толпы.

Я чувствую, как краснею.

Что я здесь делаю?

Но отступить поздно. Тряхнув волосами и гордо выпрямившись, иду к бару. Ругая саму себя за опрометчивость, сажусь на липкий стул, кладу сумку на колени и прижимаю крепче, чем нужно.

– Тебе чего? – бармен, здоровый детина с перебитым носом, вытирает стакан грязной тряпкой.

– Воды, пожалуйста.

– Огненной? – хмыкает он.

– Что? – не сразу понимаю, о чём идёт речь. – Нет, простой.

Бармен наливает и тут же теряет ко мне интерес, переключаясь на других посетителей. А я смотрю на стакан, мокрый, с разводами. Не уверена, что стоит из него пить.

На соседний стул с быстротой молнии, словно только и делал, что ждал моего появления, оседает незнакомый мужчина. Он одет в поношенный кожаный пиджак с вытертыми локтями, под которым проглядывает слишком тесная для его живота рубашка с расстёгнутыми верхними пуговицами. На шее болтается золотая цепочка, чересчур толстая и блестящая, чтобы быть настоящей.

Лицо его обветренное, с нездоровым румянцем и сеткой лопнувших капилляров на щеках. Густые брови, сросшиеся над переносицей, придают взгляду угрюмую настырность. Когда он ухмыляется, видны жёлтые зубы с заметным отсутствием клыка слева. Руки у него крупные, с короткими пальцами, разукрашенными синеватыми татуировками, значение которых мне неизвестно.

Особенно неприятны его глаза: маленькие, близко посаженные, блестящие от выпитого алкоголя. Они бегают по моей фигуре с наглой оценкой, задерживаясь на груди и бёдрах. Взгляд липкий, как паутина.

Он наклоняется ближе. От него разит дешёвым одеколоном, перегаром и чем-то затхлым: будто непросушенные вещи раньше времени убрали в шкаф. Его дыхание горячее и тяжёлое, когда он начинает разговор:

– Водичку пьёшь? Давай я угощу тебя фирменным коктейлем? – Не дожидаясь ответа, мужчина делает жест бармену, и тот двигает в мою сторону бокал со странным содержимым, по краям которого стекают липкие красные полосы, а сверху красуется долька лимона. – Называется «Грех в стакане». Здесь водка, вишнёвый сироп и лёд. Ты же уже большая девочка, тебе можно, что покрепче?

Мне думается: этот коктейль – классический развод в подобных заведениях. За приторной сладостью не почувствуешь, что тебе что-то подмешали. Меня брезгливо передёргивает при взгляде на полный стакан, и я в очередной раз жалею, что пришла сюда.

– Нет, спасибо.

Когда я отказываюсь, лицо мужчины вдруг меняется: губы поджимаются, в глазах вспыхивает обидчивая злость. Он явно не привык, чтобы ему отказывали.

– Ну давай, не стесняйся! – он машет бармену, но тот лишь продолжает невозмутимо протирать стаканы.

– Я жду друга, – говорю я как можно чётче, хотя внутри всё переворачивается от страха, и я надеюсь, что мои слова хоть немного охладят настойчивого незнакомца.

– Какого друга? – он передвигается ближе и, судя по всему, отступить не намерен. – Вот я – твой новый друг.

Его рука ложится на моё колено. Я резко встаю, опрокидывая нетронутый бокал с водой.

– Я сказала – нет.

Вокруг всё затихает. Десятки пар любопытных глаз теперь смотрят на нас. Бармен перестаёт мыть стаканы.

– О, ну ты даёшь! – мой «новый друг» тоже поднимается. Лицо красное. – Припёрлась сюда, нос задрала... Ты знаешь, куда пришла?

Сердце в груди колотится так громко, что, кажется, его слышно даже сквозь грохот музыки. Ладони влажные, пальцы судорожно сжимают ремешок сумочки. Этот тип в кожаном пиджаке уже наклоняется ко мне всё ближе и ближе. Смотрю по сторонам, взглядом умоляя о помощи, но никто не спешит ко мне. В голове единственная мысль: как быстро я смогу вытащить перцовый баллончик?

«Олег не придёт. Зря ты полезла в это болото», – кровь пульсирует в висках, заглушая все остальные звуки.

И вдруг его голос: грубый, хриплый, знакомый до мурашек:

– Она же сказала тебе, что ждёт друга.

Я оборачиваюсь. Он здесь.

Олег. Стоит за спиной, опираясь на стойку. Взгляд острый, как лезвие. Его лицо в лучах неоновых светов кажется ещё более измождённым, чем в больнице, падающие тени подчёркивают резкие скулы. Губы плотно сжаты. Но это он.

Кожаный пиджак вдруг съёживается, словно его ударили под дых.

– Ворон? Я ж не знал, что она с тобой.

«С тобой», – эхом отдаётся в голове.

– Со мной, – кивает Олег, чуть распахивая куртку и демонстрируя что-то, отчего незнакомец тут же отступает, будто получив пинка.

Я всё ещё не могу вымолвить ни слова. Олег садится рядом. Движения его медленные, чуть скованные. Видно, что рана ещё беспокоит, но он игнорирует боль. Глаза тёмные, почти чёрные из-за расширившихся зрачков. В них читается усталость, злость и что-то похожее на облегчение.

– Ну ты вообще, Ангел... – он качает головой. – Как тебя занесло в этот притон?

– Алиса, – поправляю его. – Меня зовут Алиса.

– Алиса, – соглашается он. – Так как ты, говоришь, тут оказалась?

– Просто... Шла мимо... – начинаю и осекаюсь.

Чувствую, как горят кончики ушей. Жар распространяется на лицо, заставляет сердце биться чаще. Я не приучена лгать, но и признаться в том, что искала его, не готова. Олег усмехается, словно читает мысли. Тут он видит забытый всеми стакан с подозрительным коктейлем и резким движением выплёскивает содержимое на пол, показывая бармену кулак. Тот пожимает плечами, но в глазах мелькает испуг.

– Не думаю, что это подходящее место для ангелов. – Олег помогает мне подняться и ведёт к выходу. – Был бы день, я бы пригласил тебя выпить кофе в кафе, но сейчас все приличные заведения закрыты. Будет лучше, если я провожу тебя до дома.

Глава 11

Олег

Выходим из клуба. За углом замечаю жёлтый автомобиль с характерными шашечками и веду к нему Алису, помогаю ей забраться на сиденье, сажусь рядом. Она называет адрес. Неплохой район. Не центр, но и не трущобы. Всю дорогу мы молчим.

Я не спрашиваю, как она нашла «Лабиринт», но чувствую, как внутри меня ещё кипит ярость при мысли, что сегодня вечером могло произойти с этой наивной голубоглазой девчонкой. Мужик в кожаном пиджаке – типичный отморозок из тех, кто любит подлизываться к бандам, чтобы хоть чуть-чуть почувствовать себя сильным. Догадываюсь, что было в том стакане. При самом положительном исходе Алису просто отымели бы в тёмном углу, ограбили и бросили валяться в бессознательном состоянии. А при самом плохом... Лучше не думать об этом, иначе никогда не смогу успокоиться.

Хочется прочитать ей нотацию, длинную и нудную до зубовного скрежета, чтобы навсегда отбить у Ангела желание шляться по значным местам, но вместо этого беру её озябшие ладони в свои и грею, внутренне радуясь, что обошлось.

– Спасибо, что пришёл, – тихо говорит Алиса, когда по приезде мы выходим из такси и поднимаемся на четвёртый этаж. Её голос дрожит, будто она всё ещё не до конца оправилась от шока. – Не знаю, что случилось бы со мной, если бы не ты.

Не знает. Она не знает. Зато знаю я, и мне хочется убивать, стоит только об этом подумать. Когда я писал Алисе свой номер на обороте визитки, то не представлял, что когда-нибудь увижу её там. Она слишком чистая для этого места, слишком живая. Я вообще не полагал, что когда-нибудь мы встретимся снова. Но теперь она здесь, передо мной, и открывает дверь в свою квартиру.

– Поскольку кафе уже не работают до утра, то, может, зайдёшь на чашку кофе? – неуверенно спрашивает она, а я даже в полумраке подъезда вижу, как краснеют кончики её ушей.

– С удовольствием.

Мне лучше развернуться уйти, но вместо этого захожу за Ангелом в её обитель. Она щёлкает выключателем, и в коридоре загораются свет. И я невольно обращаю внимание на то, как аккуратно прибрано: ни пылинки.

Внутри уютно. Простая, но продуманная обстановка. Старое кресло с пледом, книги на полках, музыкальный центр рядом с окном. Алиса ставит сумочку на журнальный столик и направляется на кухню.

– Подождёшь немного? Кофе скоро будет, – кричит она мне оттуда.

Я иду следом. Усаживаясь за кухонный стол, провожу пальцами по его поверхности. Деревянная, потёртая, но ухоженная. Квартира не новая, но в ней явно живут люди, которые ценят тепло и уют. Или один человек, который умеет этот самый уют создавать.

Алиса засыпает в турку кофе, заливает водой и ставит на огонь. Я смотрю, как она возится у плиты, как осторожно разливает горячий напиток по чашкам. Её движения плавные, почти танцующие. Вспоминаю, как прошёл этот день, как обживался на новом месте, как оборудовал очередной тайник, сложив внутрь документы, деньги, патроны, секретную папку, как вырубился всего на пару часов, чтобы потом отправиться в клуб для встречи с одним хакером, который помог бы мне восстановить утерянные файлы. Но оказавшись там, обо всём забыл, увидев Ангела в беде.

– Кофе готов, – Алиса ставит передо мной кружку. – Чёрный или с молоком? Сколько ложек сахара?

– Чёрный. Без сахара, – отвечаю я, и она улыбается.

Алиса раскладывает на тарелке печенье и садится напротив. Она здесь. Рядом. Только протяни руку. И в голове против воли возникает вопрос: а можно ли жить иначе?

Вдруг она вскидывается и легонько хлопает себя по лбу.

– Что я тебе какое-то печенье предлагаю? Может быть, ты голоден? Пожарить яичницу?

– Не надо. Мы договаривались на кофе.

– Просто... Просто я так благодарна тебе... Яичница – это минимум, что я могу для тебя сделать.

– Кофе вполне достаточно.

Алиса кивает. Глаза у неё блестят, а мой взгляд падает на её губы, густо накрашенные красной помадой. Хмурюсь, когда понимаю причину столь несвойственного ей макияжа.

– Ты не должна бывать одна в таких местах.

Она опускает голову, как виноватый котёнок.

– Да, наверно. Просто хотела...

– Согреться?

Она поднимает на меня недоумённый взгляд, и мне приходится объяснять:

– Ты же шла мимо. Наверно, замёрзла и зашла согреться?

– Пожалуй, – Алиса пожимает плечами.

– В следующий раз просто позвони мне.

Ангел вспыхивает, когда понимает, что мне ясна истинная причина её появления в клубе. Как же она восхитительна в этот момент. Мила. Очаровательна в своей неиспорченности. Алиса снова кивает, и я перевожу разговор.

– Я заметил, у тебя много книг. Любишь читать?

И мы говорим о книгах, о кино, о детстве. О чём-то простом, будничном. Но потом она неожиданно спрашивает:

– О чём ты мечтал в детстве? Кем ты хотел стать?

Её вопрос заставляет меня оцепенеть. Я долго молчу. Потом медленно отвечаю:

– Полицейским. Мой отец был полицейским. Я решил пойти по его стопам.

Я не рассказываю, что он умер при странных обстоятельствах, отказавшись замять дело против сына одного чиновника. Причиной его смерти официально считается несчастный случай: падение с лестницы в подъезде. Мне тогда исполнилось шестнадцать. Наша квартира потом сгорела из-за неисправной проводки, по крайней мере, так было сказано в документах, и всё, что мне осталось на память об отце, – это его жетон, который я храню в сейфе как талисман.

– Через год у мамы случился сердечный приступ. Скорая приехала слишком поздно.

Тонкие пальцы Алисы обхватывают моё запястье, сочувственно гладят по тыльной стороне ладони.

– Мне так жаль, – шепчет она. – К моему отцу тоже не успела скорая. Он погиб в аварии. После чего я и решила стать медсестрой. Думала, а вдруг мне удастся спасти кому-нибудь жизнь, в ожидании реанимобиля.

– Ты и вправду ангел.

Она продолжает нежно гладить мою руку. А я борюсь с искушением взять её ладонь в свою и перецеловать каждый палец, потому что на пальцах я не остановлюсь.

Залпом допиваю кофе.

– Мне пора.

Если останусь ещё хоть на минуту, то уже не уйду. В её глазах мелькает удивление, которое тут же сменяется растерянностью и грустью.

Чёрт. Малышка. Что ты со мной делаешь? Кажется, я вернусь к тебе, моя девочка, которую нельзя... Которую я сам себе запретил.

Глава 12

Из-за заминки с Ангелом встречу с хакером пришлось пересогласовать. И вот теперь я стою в глухом переулке и жду. Улицы мокрые. В лужах отражаются неоновые огни, и, кажется, что город тонет в собственной проекции, искажённой мутной поверхностью воды. В руках у меня пластиковый пакет с остатками ноутбука: половина корпуса, изогнутая плата, несколько обгоревших проводов. Понимаю, что нужно больше, но надеюсь: хакер знает, как работать с осколками.

Наконец, где-то сбоку с лёгким скрипом открывается неприметная дверь. Я захожу внутрь, слышу стук клавиатуры, вижу мерцание экранов. Комнату наполняет запах дешёвого кофе и офисной техники. Оглядываюсь.

– Где Призрак? – спрашиваю у впустившего меня. Тот запирает дверь и кивает куда-то в сторону.

Я не знаю настоящего имени парня, для меня и для всех остальных, невхожих в его тесный мир, он – призрак. Я виделся с ним всего-то пару раз, в основном все дела мы предпочитали решать на расстоянии.

Призрак сидит за столом, почти слитый с темнотой комнаты. Единственный свет падает с экранов, их три, и они мерцают цветными строчками кода, будто огни ночного города. На вид ему где-то за тридцать, но точный возраст угадать сложно: лицо худое, осунувшееся, с тенями под глазами, будто он давно забыл, что такое полноценный сон. На голове короткие растрёпанные волосы, в углах рта залегли глубокие складки, тёмные глаза покраснели, словно он провёл последние несколько дней, не отрываясь от монитора.

Когда он говорит, голос низкий, немного хриплый, создается впечатление, что он просто не привык часто им пользоваться.

– Давай сюда, – произносит Призрак, не отрывая взгляда от монитора. – Посмотрим, что ты принёс.

Я протягиваю ему то, что осталось от ноутбука.

Он берёт пакет осторожно, почти с благоговением археолога, нашедшего древний артефакт.

– Это всё?

– Всё.

Он кивает.

– Посмотрю, что можно сделать. Скорее всего, смогу частично восстановить данные. Но это займёт время.

– Мне нужны фотографии. Все.

– Тогда мне нужна неделя. И стоять тебе это будет в три раза дороже, чем обычно.

– Если восстановишь файлы, то цена не проблема, – говорю я, разворачиваясь и ухожу.

На улице холодно. Поднимаю повыше воротник и иду домой, по пути достаю телефон. Звоню заказчице, дочке профессора с мировым именем, заподозрившей своего мужа в наличии любовницы. Она отвечает сразу.

– Мне нужно больше времени. Возникли непредвиденные сложности.

– Какие ещё сложности?! – В её голосе слышатся истерические нотки. – Мне рекомендовали вас как профессионала!

– Вам не солгали, но мне нужна ещё неделя, и все доказательства будут у вас на столе.

Молчание.

– Ладно. Но если вы снова меня подведёте... Третьей попытки уже не будет.

Звонок обрывается. Если Призрак справится, то скоро я подарю ей стопку фотографий, где её муж, доктор наук, кувырывается с рыжеволосой студенточкой.

Дома я бросаю ключи на стол, достаю из тайника папку: фотографии, справки, газетные вырезки, показания свидетелей против Антона Лебедева, сына местного депутата. Мажор. Богатый, самоуверенный, с длинной историей правонарушений. Не единожды попадал в ДТП, но каждый раз находил выход: деньги, связи, адвокаты. Год назад он был под кафом, когда врезался в автомобиль с семейной парой и ребёнком трёх лет. Малыш погиб на месте. Мужчина получил тяжёлые переломы и умер по дороге в больницу. Женщина выжила.

Антон глумился над ней. Прямо во время суда, оправдавшего его и свалившего всю вину на умершего отца семейства, смеялся в лицо убитой горем матери. Говорил, что она ничего не сможет ему сделать, что он выше закона. Она так и не вернулась к прежней жизни, а через год после трагедии, она покончила с собой на могиле близких.

Надеваю перчатки, беру купленный заранее револьвер и еду к Антону. Его апартаменты в центре города, охрана на входе, камеры, кодовый замок. Но у меня есть доступ: и к замку, и к камерам.

Антон дома. Сидит на диване, играет в видеоигру. Какое-то время наблюдаю за его действиями, жду, когда же он почувствует чужое присутствие, но мажор слишком поглощён виртуальным миром. Негромко покашливаю, привлекая его внимание, и эти тихие звуки производят эффект разорвавшейся бомбы.

Парень резко оборачивается. Лицо его бледнеет от страха при виде странного типа в потрёпанной кожаной куртке и перчатках, не снятых в помещении, но потом он, видимо, вспоминает, чей сын, и надменно вскидывает подбородок.

– Ты кто такой? Как ты сюда попал?

– Через дверь.

Мой спокойный ответ злит Антона. Раздувая ноздри, он повторяет вопрос:

– Ты кто такой?!

– Хороший вопрос, – киваю я. – А главное, на него нет однозначного ответа. Близкие зовут меня Олегом, сам я себя называю Вороном. Какое-нибудь из этих имён тебе о чём-то говорит?

– Да пошёл ты, Ворон-Олег! – рычит Антон. – Избавь меня от своего присутствия, иначе мой папа избавит тебя от свободы. – Он хохочет, довольный получившимся каламбуром.

– Хорошая шутка, смешная, но я сюда не смеяться пришёл. – Прохожу в комнату, ногой поддвигаю журнальный столик и присаживаюсь перед опешившим от моей наглости мажором. – Значит, я тебе неизвестен? Тогда давай знакомиться. Я – Олег Воронов, бывший оперативник, в узких кругах известен как Каратель...

Ещё минуту назад на лице Антона читался вызов: дерзкая усмешка, полуприкрытые веки, едва заметное покачивание ногой. Но после моих слов его уверенность начинает рушиться. Зрачки его расширяются, взгляд мечется, цепляясь за детали комнаты: дверь, находящуюся слишком далеко, телефон на подлокотнике дивана, предметы интерьера, которые он мог бы использовать как оружие. Там, где раньше была наглость, теперь тревога. Антон сглатывает. Громко. Слишком громко для тишины гостиной.

– Ты... ты не существуешь... – заикается он. – Ты просто городская страшилка.

– Как видишь, я из плоти и крови, – усмехаюсь в ответ.

– Что ты хочешь? – голос Антона звучит глухо, срывающимся шёпотом.

– Помнишь, год назад в ДТП погиб ребёнок с отцом? По твоей вине, между прочим.

Антон отчаянно мотает головой, но в глазах плещется ужас. Он всё помнит.

– А несколько дней назад мать этого ребёнка свела счёты с жизнью. До сих пор считаешь себя выше закона?

– Н... Нет.

– А на суде ты говорил, что выше.

Достаю из внутреннего кармана куртки револьвер. Медленно. Без пафоса.

- Меня оправдали! – взвизгивает Антон при виде оружия.
- Кто оправдал? Бывший одноклассник твоего отца? Он же был судьёй.
- Мой отец убьёт тебя!
- Если найдёт. Но, может, ему даже искать не придётся. Облегчим ему задачу? Усмехаюсь, когда в глазах перепуганного мажора загорается надежда.
- Ты о чём?

Кладу револьвер на ладонь, поворачиваю так, чтоб свет рефлекторно блеснул на металле. Парень шарахается от меня, но спинка дивана не даёт отодвинуться слишком далеко. Пот выступает у него на лбу, стекает по вискам. Его дыхание учащается. Теперь он не король вечеринок, не сын депутата, не человек, который может купить решение суда. Он просто живое существо, понимающее, что выхода нет: ни через деньги, ни через связи. И что смерть уже близко.

– Я предлагаю тебе сыграть в игру. – Открываю барабан, извлекаю несколько пуль, прокручиваю и защёлкиваю. – Называется русская рулетка. Каждый по очереди будет стрелять себе в голову. Кто победит, тот останется жить. Ты первый.

Передаю ему револьвер. Антон обхватывает его дрожащими руками. В его воспалённом от страха мозгу даже мысли не появляется направить оружие против меня. Впрочем, это было бы бесполезно.

- Смелее, – подбадриваю его. – Испытай удачу. Говорят, новичкам везёт!

Антон зажмуривается, подносит дуло к виску и нажимает на спусковой крючок. Сухой щелчок. От облегчения он открывает глаза, дыхание его учащается, переходит в надрывный смех.

- Теперь... Теперь твоя очередь!
- Ага, – киваю, принимая из его рук револьвер, и упирая дуло ему в лоб.
- Что?! – Надежда в глазах мажора сменяется отчаянием. – Ты же обещал! Так нечестно!
- Нечестно, – соглашаюсь с ним и зачитываю приговор. – Зато справедливо.

Стреляю. Он валится на диван с выражением искренней обиды и недоумения. Скоро смерть сотрет с его лица все эмоции. Вкладываю револьвер ему в руку и оставляю на столе газетную вырезку со статьёй о недавнем суициде на кладбище. Такое вот запоздалое раскаяние.

Ухожу, аккуратно запирая дверь. Направляюсь в ближайший компьютерный клуб, чтобы почистить изображения на камерах. Когда-то меня научил этому бывший коллега. Сваливая из органов, я не думал, что подобное умение мне ещё пригодится.

Глава 13

Алиса

Тщательно мою руки и насухо вытираю их полотенцем, бросаю взгляд на своё отражение в зеркале над мойкой. Белый халат, длинные волосы уложены в аккуратную причёску и убраны под шапочку. Кажется, с момента его выписки прошла вечность, но я всё бессознательно жду, что он войдёт в перевязочную, а после ругаю себя за глупые мысли.

– Алисонька, – улыбается дядя Коля, заметив мои действия. – Ты отлично выглядишь, как и всегда.

– Спасибо, – благодарю я, раскладывая бинты.

– А у меня сегодня последний день. Вот, радуюсь, что твоё дежурство, хоть попрощаюсь с тобой.

– Поздравляю с выпиской. И, давайте, договоримся: больше к нам ни ногой?

– Да как же я без твоей улыбки? – ахает дядя Коля.

– Если вы попадаете в больницу только ради меня, тогда мне придётся уволиться. Ради вашего же блага.

– Ладно, – хмурится дядя Коля. – Я постараюсь.

Делаю своё дело, и он уходит, рассыпавшись в комплиментах. Вместо него приходят другие пациенты. Действую и говорю на автомате, потому что мыслями далеко отсюда.

Олег.

В голове снова прокручиваются те мгновения в «Лабиринте». Этот человек в потёртом кожаном пиджаке, настойчиво предлагающий мне сомнительное пойло. Взгляды десятков людей, прикованные к моей скромной персоне. Бармен, безучастно наблюдающий за развитием событий. И я, ждущая хоть чьей-нибудь защиты.

До чего же я была наивной и глупой, когда отправилась туда одна. Если бы я только знала, какой это притон. Где каждый взгляд – угроза, каждый шаг – риск. Но я пошла. Потому что хотела его найти. Хотела знать, что он жив и здоров. Что он не исчез навсегда.

И он не исчез. Он оказался рядом в нужный момент. Как будто и не уходил.

Телефон лежит на столе. Я беру его, смотрю на экран. Никаких сообщений. В кармане плаща до сих пор лежит старая визитка, которую он мне дал, написан на обороте свой номер.

«На всякий случай», – сказал он.

Я до сих пор так и не позвонила ему.

В перевязочную входит Максим. Здоровается, перекидывается ничего не значащими фразами с Таней, медсестрой, моей коллегой.

– Слышали? – начинает он, прихлёбывая кофе из картонного стаканчика. – Сын депутата Лебедева найден мёртвым в своих апартаментах? Говорят, самоубийство, но оно вызывает слишком много вопросов.

– Полиция твердит, что всё ясно: совесть замучила, особенно когда про суицид матери в газете прочитал. Мы же все помним тот случай годичной давности? – спрашивает Таня, а мы с Максимом переглядываемся и киваем. И она продолжает: – Но есть мнение, что это Каратель...

– Да ну, глупости, – перебиваю её. – Каратель – это просто легенда для пугливых. Но даже если это правда, и депутатского сына наказали за ту аварию, в которой погибли отец с ребёнком, то человек, сделавший это, – преступник. Не герой. Просто убийца.

Таня пожимает плечами.

– Лебедев-младший получил по заслугам.

– Так нельзя! Должен быть закон, и этот закон должен работать! Нужно добиваться правды законными путями!

– Идеалистка! – хмыкает Таня и выходит из перевязочной. Бросает на ходу: – Пойду, лекарства разнесу.

Мы с Максимом остаёмся вдвоём.

– Правда, считаешь его убийцей? – зачем-то уточняет он.

– Если Каратель существует, то да. А ты?

– Не знаю, – Максим пожимает плечами. – Сложный вопрос. Антон Лебедев не был невинной жертвой. Сколько горя он принёс другим людям. Те мужчина и ребенок были не единственными, кто пострадали, и ему всё сходило с рук.

– Мне очень их жаль. Честно. Очень. Я бы хотела для виновного справедливого наказания. Но этот Каратель... Кто он такой, чтобы судить? А если каждый так будет делать? Ведь для того и существует государство, чтобы не допустить произвола.

– А если оно не справляется?

– А если каждый будет считать, что оно не справляется? К чему мы придём?

– Очень интересная дискуссия, – почему-то улыбается Максим, а у меня щёки пылают оттого, что никто не понимает очевидного. – С удовольствием бы обсудил с тобой этот вопрос, но в более спокойной обстановке.

– Нет, извини, тема слишком тяжёлая для меня.

Максим с озадаченным видом открывает рот, затем закрывает, смотрит на меня странным взглядом, кивает и покидает перевязочную. А я остаюсь дорабатывать смену.

Вечером, попрощавшись с коллегами, выхожу на улицу. Осенний воздух встречает меня свежестью. Ветер играет с кончиками волос, а свет уличных фонарей разбавляет темноту золотистым сиянием. Я достаю телефон, собираюсь вызвать такси, но замечаю машину. Чёрный внедорожник. Дверь со стороны водителя открывается, и я вижу знакомый силуэт.

Он.

Олег.

Идёт ко мне. Одет аккуратно, в элегантное осеннее пальто. Гладко выбрит. От него пахнет изысканным парфюмом, от которого начинает кружиться голова, а сердце биться чаще.

– Привет, – говорит он, подходя ближе.

– Привет, – отвечаю я, расплываясь в улыбке.

– Кажется, ещё не так поздно. Кафе открыты, и я могу наконец-то угостить тебя чашкой кофе. Просто посидим, пообщаемся, что скажешь?

– С удовольствием.

Олег берёт меня за руку и ведёт к оставленной машине, помогает забраться на сиденье, а после садится за руль, заводит двигатель. Мы едем по вечернему городу, перекидываясь дежурными фразами о том, как прошёл день.

Через несколько минут он останавливается возле уютного кафе. Выходит, открывает дверь для меня.

– Поужинаем? – спрашивает Олег, когда мы заходим внутрь. – Ты после работы, наверное, голодна и очень устала.

– Есть немного, – его забота смущает, но при этом радует.

Чуть позже мы сидим за маленьким угловым столиком у окна, едим овощной салат, пасту с морепродуктами, пьём кофе: он – чёрный, я – с молоком и сахаром. За стеклом осенний полумрак, тусклый свет фонарей, редкие прохожие, спешащие домой. А внутри тепло, уютно, пахнет апельсином и корицей. Фоном играет музыка: тихая, ненавязчивая. Но я почти не слышу её. Потому что рядом он.

Олег сидит напротив, чуть откинувшись на спинку стула, обхватив чашку пальцами. Его глаза, серые, глубокие, как зимнее небо перед метелью, смотрят на меня. Не пристально, но так, будто видят всё. Каждую мысль, каждый вздох, каждое дрожание ресниц.

Я чувствую, как внутри всё становится мягким. Словно я – воск, который медленно тает под его взглядом.

– Я думал о тебе, – Олег нарушает установившееся молчание.

– Правда?

Мне хочется сказать, что я тоже думала о нём. Думала постоянно: засыпая и просыпаясь, завтракая, обедая, ужиная, делая перевязки, разнося лекарства по палатам. Но вместо этого молчу, с замиранием сердца ожидая продолжения.

– Правда, – кивает он. – Как ты смотришь на то, чтобы продолжить наше общение завтра?

– Я... Я думаю, это отличная идея.

Олег улыбается. Он доволен моим ответом.

– Тогда я заеду за тобой после обеда?

– Конечно.

Он берёт мою ладонь в свою, целует её тыльную сторону.

– Договорились.

А через полтора часа, лёжа в кровати, я думаю о том, каковы на вкус его губы, как крепки его объятия, и насколько горячо его тело.

Глава 14

Олег

Долго стою перед зеркалом в ванной комнате, тщательно сбривая острым станком щетину, успевшую отрасти за ночь. Всё это кажется непривычным: старательно готовиться к встрече, думать о том, как выгляжу. Но сегодня это важно.

Алиса.

Её имя растекается по языку насыщенным пряным потоком, как первый кусочек шоколадного фондана. Там, где чужие имена просто слова, её – вкус. Сладкий, но не приторный. Густой, почти терпкий, будто вино из чёрной смородины. Оно прикасается к моему сознанию, как нежный бисквит ко рту после строгой диеты: осторожно, с наслаждением, с трепетом. А после разливается внутри, как малиновый топинг для изысканного десерта: ярко, немного кисло-сладко, но безумно соблазнительно. Я не ожидал, что привычное сочетание букв может быть таким... лакомым. Это не просто звук. Это вкус наслаждения, который я забыл.

И я не знаю, что меня тревожит больше: страх провала или желание сделать всё безупречно. Я давно потерял связь с нормальной жизнью. С теми простыми радостями, которые для других обычное дело, а для меня чудо. И я не хочу спугнуть его.

Покончив с бритьём, надеваю чистую рубашку: не ту потёртую, которую ношу каждый день, а новую, белую. Смотрю на себя в зеркало. Не герой мелодрамы, но, пожалуй, выгляжу достаточно прилично.

Сажусь в машину. Автомобилем я пользуюсь редко, только в исключительных случаях. И этот случай именно такой. В остальное время он простаивает на платной парковке. Дорога до Алисы длинная, мы живём в противоположных концах города. По пути останавливаюсь у цветочной лавки, выбираю букет. Думаю, что нежные чайные розы с воздушными гипсофилами идеально подойдут для нашего свидания.

Подъезжаю к дому, поднимаюсь на этаж, жму на звонок. Жду. Сердце бьётся чуть чаще, чем обычно. Очень странно волноваться перед встречей. Как правило, всё проще: пришёл, сделал дело, ушёл. Но с ней... С ней всё по-другому.

Дверь открывается. И я не могу сдержать улыбки от удовольствия вновь увидеть Алису.

Она стоит в проёме, волосы уложены в аккуратную причёску, взгляд удивлённый, но тёплый. Она тоже рада встрече. На ней вязаное платье насыщенного винного цвета, лёгкий шарф на плечах. Пахнет чем-то домашним и одновременно изысканным. Возможно, это её духи. Или просто она сама.

– Привет, – говорю, протягивая букет. – Это тебе.

Ангел берёт его осторожно, почти благоговейно.

– Олег... Спасибо. Он такой красивый.

– Ты тоже, – пожираю её глазами.

Алиса смущается, но не прячет взгляд. Это мне нравится. Она не играет. Она настоящая, живая.

– Зайди на минуту, – просит она, делая полшага назад.

Вхожу в прихожую. Уютно. Чисто. Пахнет кофе и лавандой. На вешалке её плащ, рядом пара осенних полусапожек на невысоком каблучке. Алиса ставит букет в вазу, аккуратно расправляя листья.

– Готова?

– Да, – кивает она, берёт сумочку, накидывает плащ. – Только ключи возьму.

Беру её за руку, и мы спускаемся. Никто не торопится. Чувствую её близость, её дыхание, её тепло. Она идёт рядом, и я ловлю себя на мысли, что хочу, чтобы этот спуск никогда не заканчивался.

Когда выходим на улицу, холодный воздух обжигает лицо. Мы останавливаемся на секунду. Она поднимает на меня взгляд, улыбается. Чуть робко, но искренне.

Предлагаю ресторан. Это первое, что мелькает в мыслях. Вообще не представляю, как происходят свидания с Ангелами. Но она смеётся:

– Может, просто прогуляемся?

Её слова удивляют меня, но я не против. Киваю, и мы идём к ближайшему парку. Листья на деревьях окрашены в золотые, бронзовые и багряные цвета. Они тихо шуршат при каждом порыве ветра и падают под ноги, усыпая землю и аллеи осенним покрывалом.

– Ты часто здесь бываешь? – спрашиваю я.

– Не очень, хотелось бы чаще, – отвечает она. – Здесь красиво в любое время года.

Мы подходим к пруду. Под порывами ветра его поверхность покрывается лёгкой рябью. По воде скользят утки. Алиса ведёт меня на деревянный мостик, достаёт из сумочки небольшую булочку и разламывает её на мелкие кусочки. Утки реагируют сразу: крикают, плывут быстрее. Где-то рядом слышится поскрипывание качелей и детский смех, издали доносится лай собак. А я ловлю себя на мысли, что давно не чувствовал такого умиротворения.

Когда булочка кончается, мы продолжаем гулять. Никуда не спешим. Её рука покоится на сгибе моего локтя. Вдыхаю аромат её волос: лёгкий, почти незаметный, но настолько приятный, что хочется запомнить его навсегда. Мы говорим. Обо всём и ни о чём одновременно: о парке, о городе, о любимых занятиях.

– Почему ты ушёл из полиции? – задаёт Алиса неожиданный вопрос.

И что мне на него ответить?

– Решил открыть собственное дело.

Лгать Ангелу неприятно, но, в конце концов, это почти правда.

– Какое? – в её глазах загорается любопытство.

– Собственное детективное агентство.

– Вау! – восхищённо ахает Алиса. – Так интересно!

– На самом деле не очень, – хмыкаю, вспоминая о рутине. – В основном мои клиенты – это мужья и жёны, заподозрившие своих супругов в неверности.

– Так глупо, – разочарованно бормочет моя очаровательная спутница.

– Ты так считаешь?

– Ну да. Ведь неспроста у них появляется запрос проверить свою вторую половинку? Значит, что-то перестало устраивать в отношениях. А если это так, не лучше ли просто расстаться, и уже не важно, была измена или нет?

Прижимаю к себе эту восторженную идеалистку. Прячу её от ветра.

– Все мои клиенты – очень богатые и уважаемые люди. Для них супруг – партнёр по бизнесу, а брак – выгодная сделка. И если партнёр замешан в хитрых махинациях, то к чёрту такого партнёра. Любовь и прочие чувства здесь просто помеха. Только холодный расчёт.

– Понятно, – вздыхает Алиса.

Рядом с ней время летит незаметно. Постепенно становится темнее. Солнце опускается ниже, раскрашивая облака в розовые и оранжевые оттенки. Фонари начинают зажигаться один за другим. И мы идём мимо скамеек, где сидят пожилые пары, мимо детей, играющих в догонялки, мимо одинокого художника, выложившего своё творчество под осенним небом в надежде продать хоть что-нибудь.

Алиса останавливается напротив его картин. Внимательно рассматривает. Взгляд её цепляется за сидящего на подоконнике маленького смешного котика с огромными глазами и высушенным языком. Она улыбается, очень мягко и нежно.

– Он тебе нравится? – спрашиваю я, подходя ближе.

– Да, он такой глупыш, – отвечает она, не отводя взгляда от полотна. – Он заставляет меня смеяться всякий раз, когда я его вижу.

– Мы берём его, – говорю я и достаю бумажник.

Алиса поворачивается ко мне, удивлённая:

– Что? Нет, Олег, это слишком...

– Мне нравится, как ты улыбаешься, когда смотришь на этого кота, – перебиваю я. – Значит, он должен быть у тебя.

Художник аккуратно оборачивает картину упаковочной бумагой и протягивает мне. Я передаю Алисе. Она держит её осторожно, словно это не просто холст, а нечто ценное.

– Спасибо, – говорит она, глядя на меня. – Этот котик такой милый.

– Просто хотел сделать тебе приятно.

Снова забираю у неё картину: не нести же ей такую тяжесть. Провожая Алису до дома.

В какой-то момент она произносит:

– Знаешь, теперь я точно должна буду пригласить тебя к себе, чтобы повесить эту картину.

– В любое время. Когда скажешь.

– Сейчас...

Глава 15

Алиса

Я сама не понимаю, как эти слова с приглашением зайти на чашку кофе, а после повесить картину, вырвались у меня из груди. Они прозвучали легко, почти естественно, как нечто само собой разумеющееся, но сейчас внутри у меня всё сжимается от волнения. Я чувствую, как жар поднимается к щекам, и надеюсь, что Олег этого не замечает. Поражаюсь своей смелости.

Он смотрит на меня, чуть наклонив голову, будто пытается разгадать мои мысли. Его глаза, тёмные, глубокие, немного опасные, но эту секунду в них мелькает тень улыбки.

– Значит, сейчас, – кивает Олег.

И я выдыхаю. Мне так хочется, чтобы он задержался, хочется продлить нашу встречу, хочется прикоснуться к нему, почувствовать вкус его губ, тепло его рук.

Мы идём к моему дому медленно, говоря о каких-то пустяках. По пути он несёт картину, а я чувствую себя странно: одновременно испуганной и возбуждённой, будто стою на грани чего-то большего. В голове проносятся мысли: а что, если это всего лишь мгновение, и завтра всё вернётся на круги своя? Но я отгоняю их, ведь сейчас есть только этот момент, этот вечер.

Когда мы заходим в квартиру, я включаю свет в коридоре и слышу, как Олег ступает следом. Тишина дома кажется вдруг слишком плотной. Олег снимает пальто, вешает его в шкаф, потом помогает раздеться мне.

– Куда повесим котика? – спрашивает он, держа картину перед собой.

– Давай в гостиную. Над диваном.

Он кивает. Я заглядываю в крошечную кладовую, беру ящик с инструментами, доставшийся мне ещё от деда, и несу Олегу. Несколько ударов молотком по гвоздю, и готово.

– Теперь здесь живёт кот, – довольно говорит он, вешая полотно и делая шаг назад.

– Так быстро? – удивляюсь я. – Спасибо.

Олег поворачивается ко мне. Мы стоим совсем рядом. Почти касаемся друг друга. Я чувствую запах его кожи, смешанный с лёгкой горчинкой пота, и моё сердце бьётся быстрее.

– Кофе? – спрашиваю я, чтобы разорвать паузу.

– Конечно.

Я иду на кухню, но на пороге оборачиваюсь. Олег какое-то время смотрит на картину с котом, словно прикидывает, насколько ровно она висит. Затем подходит к книжным полкам, берёт одну из книг, перелистывает пару страниц. А я ловлю себя на мысли, что хочу, чтобы он остался. На ночь. И навсегда.

Когда кофе готов, я разливаю его по чашкам, добавляю в свою две ложки сахара и молоко. Олег садится за стол, я ставлю перед ним пирог, приготовленный ещё утром до его прихода.

– Пахнет домом, – говорит он.

– Так и должно быть.

Я улыбаюсь, подхожу к радио. Включаю его. Из динамиков льётся мягкий джаз: одна из моих любимых мелодий. Я закрываю глаза, позволяю музыке наполнить комнату. Она расслабляет, окутывает нас, как тёплый плед. В такие моменты мир кажется простым и понятным, а всё остальное – несущественным.

Олег ставит чашку на стол, протягивает мне руку.

– Ты позволишь пригласить тебя?

Я удивлённо смотрю на него, но беру его ладонь. Его прикосновение обжигает, и я чувствую, как внутри всё замирает, а затем начинает трепетать. Олег прижимает меня к себе. Я слышу его сердце, которое стучит так же громко, как и моё. Его руки такие сильные, такие надёжные. В этот момент я понимаю, что готова доверить ему всё.

Он ведёт меня легко и уверенно, будто всю жизнь только этим и занимался. Мы неспешно двигаемся в такт музыке. Его ладони на моей спине, мои пальцы на его плечах. В этом движении есть что-то магическое, что-то, что заставляет меня забыть обо всём остальном.

В какой-то момент Олег наклоняется. Я инстинктивно тянусь к нему, и его губы касаются моих, осторожно, почти вопросительно. Лёгкий как пёрышко поцелуй. Сначала я отвечаю так же, мягко, неуверенно. Просто позволяю себе впустить его, почувствовать. Но потом... потом что-то внутри меня начинает пламенеть. Медленно, но необратимо. Это чувство, словно искра, которая вспыхивает и разгорается в яркий огонь.

Олег опускает руку мне на талию, притягивает чуть ближе. Его ладонь широкая, тёплая, уверенная. Я поддаюсь, вжимаюсь в него всем телом, как будто только сейчас понимаю, как сильно хотела этого прикосновения. Как сильно хотела его.

Поцелуй становится глубже. Его язык касается моего, и я отвечаю ему лёгким стоном. В этом звуке вся моя нежность, вся моя страсть. Олег слышит его, чувствует. И целует меня так, словно боится, что я исчезну, как будто этот момент единственный, что у нас есть. Его губы становятся жарче, движения увереннее. Он берёт больше, а я даю. Даю всё, что могу.

Пальцы путаются в его волосах. Я тяну его к себе, не желаю отпускать. Его вторая рука скользит вверх по моей спине, останавливаясь между лопаток, будто хочет убедиться, что я никуда не денусь. Что я с ним. Здесь. Сейчас.

И в этот момент мир сужается до одного-единственного: его губ, его дыхания, его сердца, которое я почти не слышу, потому что моё бьётся так громко, будто хочет вырваться ему навстречу. Этот момент кажется вечностью, и в то же время он пролетает слишком быстро.

Олег всё-таки отстраняется. Медленно. Неохотно. Его глаза расширены, взгляд затуманенный, грудь вздымается. Я тоже не могу говорить. Только дышу. Глубоко. Шумно. Счастливо. В этом дыхании вся моя благодарность за этот миг, за эту близость.

Он гладит меня по щеке.

– Прости, – шепчет он. – Я не хочу торопиться.

Его голос низкий, немного хриплый. Я киваю. Не в силах произнести хоть слово. Сердце бьётся где-то в горле. Я чувствую ноющую пустоту из-за того, что он больше не вжимает меня в себя. Но я понимаю, что это правильно.

– Мне тоже нужно время, – говорю я, стараясь улыбнуться.

Теперь кивает он. Тоже улыбается в ответ. Берёт мою руку, держит в своей. Просто держит. Без слов. Без лишних движений. И я тону. В его улыбке, в его глазах. Как в омуте. И в этом простом жесте вся его нежность, вся его забота.

Мы возвращаемся за стол, допиваем кофе. Джаз продолжает играть. За окном окончательно темнеет. А в душе зарождается надежда, что у нас может быть нечто большее, чем случайные встречи. Что впереди нас ждёт что-то удивительное и светлое, которое изменит нашу жизнь навсегда.

Глава 16

Олег

Сажу за барной стойкой, кручу в руках бокал с виски. Всё ещё думаю об Алисе и нашей с ней последней встрече. Даже сейчас, по прошествии нескольких часов, мне слышится её голос. Стоит вдохнуть полной грудью, и я чувствую её запах, ощущаю на губах тепло и влажность её поцелуя.

Не хочу спешить. Хочу прочувствовать каждое мгновение, когда она рядом, насладиться её взглядами, улыбкой, прикосновениями. Хочу остановить время, чтобы вечно ощущать тепло её нежных рук, слышать её ласковый шёпот, видеть блеск в её бездонных глазах.

Мне нужно переключиться. На время погрузиться в привычный мир. Именно поэтому я здесь, в «Лабиринте», в месте, где царит полумрак и витает тяжёлый запах животных страстей.

– Гриш, плесни ещё, – говорю, не глядя на бармена.

Тот молча кивает, берёт бутылку, наполняет мой стакан янтарной жидкостью. Виски пахнет дымом и деревом. Я подношу его к губам, делаю глоток. Горло обжигает. Хорошо. Нужно почувствовать что-то настоящее.

Музыка в зале становится медленнее. Из клубного хаоса вырывается низкий, соблазнительный ритм. Свет на сцене смещается, фокусируясь на правом углу. Зал начинает шевелиться: кто-то свистит, кто-то аплодирует.

Я поворачиваюсь на звук.

Вера.

Она выходит на сцену неспешно. С расчётливым достоинством ступает по подиуму, освещённому тёплыми, чуть дрожащими лучами софитов. Её движения уверенные, плавные, будто она исполняет некий ритуал, призванный превратить смертную женщину в богиню. Богиню низменных желаний и плотских вожделений, возмутительных, презренных. Тех самых, которым нет места в обычной жизни. Но здесь... В царстве порока... Здесь можно всё.

Музыка набирает силу. Низкий, пульсирующий бас обволакивает зал как плотный туман. Вера закрывает глаза, впуская ритм в себя, и начинает танцевать. Сначала медленно. Каждое движение отдаётся в её теле, как удар сердца. Пальцы скользят по плечам, груди, бёдрам. Каждый жест продуманный, но кажущийся спонтанным. Она знает, что делает, знает, как разжечь в мужчине то, что он сам старается подавить.

Она поворачивается к залу спиной, слегка наклоняется, и несколько мужчин в первых рядах невольно вскидывают головы. Кто-то издаёт восторженный рёв, кто-то швыряет на сцену пачку купюр. Вера ловит взгляд одного из них. Мужчина старше неё, с выдающимся пузом, в дорогом костюме, с полным бокалом в руке. Она улыбается ему, томно, многообещающе. Он бросает ещё.

Желание уйти возникает сразу. Но я остаюсь. Смотрю. Не потому, что хочу. А потому что должен. Её взгляд скользит по залу и находит меня. Вера замирает. Едва заметно, но я ловлю это мгновение слабости. Всего лишь доля секунды, и танец продолжается в прежнем темпе.

Её волосы, собранные в небрежный пучок, начинают распадаться на отдельные пряди. Несколько локонов ниспадают на лицо, придавая ей вид женщины, только что пережившей страсть. Вера снимает блузку. Не резко, а ловко и грациозно. Как будто раздевается не для праздных зевак, а для себя. Для своего внутреннего огня.

Толпа взрывается овациями, и лицо Веры озаряется томной улыбкой. Кажется, она наслаждается властью над теми, кто готов заплатить, чтобы забыть о своих проблемах хотя бы на несколько минут. Эти люди согласны отдать последние деньги ради иллюзии, что они важны для неё.

Однако Вера никому не принадлежит: ни им, ни мне. Она принадлежит только себе. И даже если её душа страдает из-за необходимости демонстрировать тело, она играет свою роль безупречно. Так, что хочется аплодировать, кричать и бросать больше денег.

На меня накатывает странное чувство. Это не злость и не обида, а что-то более глубокое. Возможно, жалость. Вспоминаю Сашку, шуплого подростка, ради которого Вера сейчас выступает перед толстосумами. Она должна быть дома, готовить ужин и лечить сына, но если она уйдёт, им нечего будет есть и нечем платить за квартиру. Поэтому Вера здесь. Она зажигает зал и дарит воздушные поцелуи.

От этих мыслей становится не по себе. Раньше я об этом не задумывался, когда звал её с собой после представления. Закрываю глаза, делаю новый глоток. Виски привычно обжигает горло.

Её движения больше не возбуждают меня, а вызывают непонятную горечь. Я смотрю на окружающих мужчин: на их взгляды, похоть и жадность. И мне хочется увести Веру со сцены и сказать: «Она не ваша игрушка». Пусть она давно стала частью этой системы, но сегодня мне больно это видеть.

Залпом допиваю виски. Ставлю бокал на стойку. Поднимаюсь. Пока я иду по проходу, музыка, наконец-то, стихает, и танец заканчивается. Зал за спиной взрывается в одобрительных выкриках.

Выхожу на улицу. Жадно глотаю ртом холодный воздух. Он трезвит, заставляет очнуться от непривычных мыслей. Хлопаю себя по карманам в поисках сигарет.

– Олег!

Оборачиваюсь. Вера. Бежит за мной, прихватив куртку. Волосы её растрёпаны, макияж частично смазан.

– Подожди, – говорит она, подходя ближе. – Я должна тебе кое-что сказать.

– Что?

– Я...

Вера дышит часто-часто, пытается справиться с волнением.

– Я кое-что вспомнила... Я... В тот вечер, когда ты пришёл, я была слишком напугана...

– Говори уже.

– В общем... Когда мне позвонили, то велели передать тебе, чтобы ты остановился.

– Остановился? – Я напрягся. – А ещё что-нибудь говорили?

– Нет, сказали, ты знаешь. – Вера хмурится. – Ты ведь знаешь, да? Ты же остановишься? Если ты этого не сделаешь, то следующая пуля будет насмерть.

– Они так сказали?

– Да.

– Сколько их?

– Я... Я не знаю. Со мной говорил только один человек.

Я не шевелюсь. Просто стою. Смотрю на неё. Ищу в глазах ответ. Кажется, Вера не лжёт.

– Это всё?

– Да.

Киваю и делаю шаг назад. Ветер колышет мою куртку. Обращаю внимание, что Вера почти не одета.

– Зайди в клуб. Не мёрзни.

– Олег! – Она не двигается с места. – Пожалуйста. Я не знаю, каким образом ты перешёл им дорогу, но прошу тебя: остановись.

Я долго молчу. Смотрю вдаль, на огни города, которые мерцают сквозь ночь.

– Я тоже не знаю. – Рот кривится в горькой усмешке: вариантов столько, сколько Вере и не снилось. Поднимаю ворот куртки повыше, закрываясь от холода. – Береги себя и сына.

Разворачиваюсь и ухожу. Слышу за спиной тихий вздох, а после быстрые короткие шаги в сторону клуба. Я найду того, кто стрелял. Обязательно.

Глава 17

Неделя, отведённая Призраком на восстановление данных, уже на исходе, и я иду к нему за результатом. Шагаю по узкому переулку, где воздух пронизан сыростью и запахом прелых листьев. Кирпичные стены домов, покрытые мхом и плесенью, кажутся ещё более мрачными в сером свете.

Как и в прошлый раз, где-то сбоку с лёгким скрипом отворяется неприметная дверь, и меня приглашают войти. Внутри царит полумрак, разбавленный ярким мерцанием экранов. Дверь за мной закрывается, и я оказываюсь в мире, где время будто замерло, где запах дешёвого кофе смешивается с ароматом пластика. Отовсюду слышится монотонный стук клавиатуры.

Мой знакомый хакер сидит за своим столом перед тремя мониторами почти слитый с темнотой комнаты.

– Пришёл? – спрашивает он, не поднимая головы.

– Как видишь, – отвечаю я, подходя ближе. – Что есть?

Призрак, наконец, поворачивается.

– Смотри сам, – говорит он, подключая к компьютеру внешний накопитель.

Через несколько секунд на экране начинают появляться файлы: фотографии, которые удалось восстановить. Всё в кучу. Он открывает каждую, чтобы я оценил масштаб работы.

– Впечатляет, – соглашаюсь я. – Запиши мне вот эти снимки, – указываю на изображения высокого, статного мужчины в обнимку с юной рыжеволосой нимфой, – на отдельный диск.

– А остальные куда?

– Сюда скинь, – вытаскиваю из внутреннего кармана флешку и отдаю ему.

Когда всё готово, я ухожу, став беднее на много десятков тысяч, зато Призрак стал богаче. Я не жалею. И дело не в том, что мне заплатят больше, чем я отдал, а в репутации детектива, который никогда не проваливает задания. Оказавшись на улице, набираю номер заказчицы, договариваюсь о встрече.

Она с нетерпением ждёт меня в своём офисе. Роскошная мебель, картины, дорогие безделушки. Всё кричит о богатстве, которое, как я знаю, ей досталось благодаря усилиям отца, профессора с мировым именем. Я кладу перед ней диск с восстановленными файлами. Она берёт его с такой осторожностью, будто держит в руках не информацию, а порох.

– Вы уверены, что это мой муж? – голос у неё дрожит. Но не от боли. От ярости.

– Да.

Она загружает его в дисковод, рассматривает фотографии. На них её муж, университетский преподаватель и доктор наук, с молодой девушкой. Они обнимают друг друга. Целуются. Улыбаются. Занимаются сексом.

– Я убью его, – шепчет она.

– Не советую.

– Кто ты такой, чтобы раздавать советы? – шипит взбешённая женщина.

– Бывший полицейский.

– У моего отца связи. Меня оправдают.

– Поверьте, измена не стоит того, чтобы пятнать свои руки кровью.

– Тогда я уничтожу его иначе.

Она отдаёт мне деньги, и я ухожу, оставив ее наедине с обидой и яростью. Измена – это рак, поедающий душу. Я не психолог. Я не стану убеждать жертву в принятии болезненного опыта. Я хирург, который подходит к проблеме рака кардинально: надо вырезать.

Алиса

С утра до вечера работаю на автомате: перевязка, обработка, укол, выдача лекарств. Даже не замечаю, как пролетает день, и смена подходит к концу. Иду в комнату отдыха, чтобы выпить кофе перед уходом и немного привести мысли в порядок. От предстоящей встречи с Олегом теплеет на сердце.

Я недолго остаюсь одна. Максим входит в комнату отдыха, как всегда с улыбкой и чашкой кофе в руках.

– О, ты ещё здесь! – говорит он, присаживаясь рядом на диван. – Рад, что успел тебя застать.

Он высокий. На голову выше меня. Густые волосы цвета шоколада. В его глазах, светящихся добротой, можно увязнуть, как в карамели. Будь я в него влюблена, то непременно это сделала бы. Но даже сейчас, когда он сидит так близко ко мне, чуть растрёпанный, в белом халате, аккуратно застёгнутом до самого верха, я чувствую лишь лёгкое волнение, похожее на смесь благодарности и симпатии. Этим безмерно расстраиваю маму, которая надеется, что когда-нибудь я разгляжу в хорошем парне нечто большее, чем просто коллегу.

– День так быстро пролетел, – говорит Максим.

– Угу, – соглашаюсь с ним, посматривая на телефон.

Полчаса назад Олег написал, что заедет за мной.

Максим задумчиво смотрит на меня, будто хочет что-то сообщить, но колеблется. Я продолжаю сидеть, погруженная в свои мысли.

– С утра хотел тебе сказать... Ты очень красивая сегодня.

– Да? – удивляюсь я, судорожно вспоминая, что же такого особенного сделала со своей внешностью.

– В смысле, не только сегодня, – он почему-то смущается. – Всегда красивая.

– Да? Э-э-э... Спасибо, – чувствую, что этого слишком мало для ответа. – Ты тоже.

– Ты так считаешь? – теперь удивляется уже Максим.

– Ну да... Э-э-э... Этот белый халат тебе очень идёт.

– Спасибо, – его лицо озаряется мягкой улыбкой.

Какой-то он странный сегодня. Кофе, что ли, другой завезли? Нюхаю чашку, но не нахожу ничего подозрительного. Может, съел чего? Да ну, бред! Обмениваемся ещё парочкой фраз, и я начинаю собираться. Максим следует моему примеру. Из больницы мы выходим вместе.

– Хотел тебе предложить, может, сходим куда-нибудь на выходных? Вроде кино хорошее вышло, потом в кафе посидим. Что скажешь?

– Что?

Пока я собираюсь с мыслями, Максим достаёт брелок из кармана куртки, пальцами, не глядя, находит нужную кнопку и нажимает. За углом раздаётся короткий звуковой сигнал и слышится щелчок центрального замка.

– Машина рядом, – говорит он, чуть улыбаясь. – Давай, я подвезу тебя.

Я не успеваю ответить, как темноту прорезает свет фар. Подъезжает автомобиль. Чёрный внедорожник. На месте водителя вижу хорошо знакомый силуэт.

– Извини, – говорю Максиму. – За мной приехали.

Он опускает руку с брелком. В глазах мелькает удивление, которое сменяется пониманием, а после... Разочарованием? Максим остаётся стоять на месте, а мне кажется, я чувствую его взгляд на своей спине. Станный день. Но оказавшись в объятиях Олега, я забываю обо всём.

Глава 18

По-настоящему город просыпается к ночи: на улицах загораются фонари, окна домов озаряются тёплым, мягким светом. Поскольку дело близится к зиме, то подувший северный ветер несёт с собой долгожданную свежесть, очищая воздух от выхлопных газов.

Мы едем в машине. Двигатель тихо урчит. Внутри царит уютная полутьма, разбавленная тусклым светом приборной панели. В салоне пахнет кожей и пластиком. На заднем сиденье лежит плед. Автомобиль плывёт по дороге в плотном потоке других машин. Свет огней и неоновых вывесок скользит по лобовому стеклу, создавая причудливые узоры.

Олег молчит, но это не напряжённое молчание. Скорее, комфортное. Я сижу рядом, постукивая пальцами по сумочке. За окном проносятся рекламные щиты, перекрёстки, повороты.

– Приехали, – с мягкой улыбкой произносит Олег, припарковываясь на обочине.

Он выходит из машины, открывает мне дверь и помогает выбраться из салона, затем берёт за руку, и мы заходим внутрь. Кафе встречает нас домашней атмосферой и аппетитным запахом свежее испеченных булочек с корицей, от которого урчит в животе. Олег сразу же помогает мне снять плащ, аккуратно повесив его на вешалку у входа. Здесь уютно: деревянные столики, стулья с бархатными подушками, большие букеты сухоцветов в прозрачных вазах. Фоном играет ненавязчивая музыка, создавая ощущения покоя.

Садимся за столик у окна. Стекло чуть запотело от разницы температур, но сквозь него виден вечерний город: фонари, прохожие, машины. За соседним столиком, улыбаясь, тихо переговаривается влюбленная пара. В глубине зала компания друзей хохочет над чьей-то остроумной шуткой. Здесь всё так просто и комфортно, даже не верится, что мы в самом центре мегаполиса.

Олег располагается напротив меня, лицом к входу, немного наклоняется вперёд, и я чувствую лёгкий аромат его парфюма: глубокий, древесный, с намёком на пряность. Он внимательно изучает меню, но время от времени бросает взгляд на меня, будто проверяет, комфортно ли мне.

– Что будешь заказывать? – спрашивает он.

– Вот, смотрю на рыбу с молодым картофелем. Выглядит аппетитно.

– Хороший выбор, – говорит он. – Я, пожалуй, возьму стейк и салат. А ещё нужен чай и десерт.

– Конечно, какой ужин без десерта, – улыбаюсь я.

Через несколько минут официант приносит наши заказы. Для Олега сочный стейк с кровью, как он любит. Салат подан в глубокой миске и украшен гранатовыми зёрнышками с кусочками сыра. Мне белоснежную тарелку с рыбой, хрустящей снаружи и мягкой внутри, и молодым картофелем в мятном масле, источающим тонкий аромат.

Мы едим медленно, неторопливо. Разговариваем обо всём: о фильмах, книгах, музыке. Иногда делаем паузы, просто чтобы насладиться моментом единения. Порой он протягивает руку через стол и касается моих пальцев, просто так, без слов.

– Как прошёл твой день? – спрашиваю его.

– Сегодня я расстроил одну женщину, даже не расстроил – взбесил. – Олег на минуту задумывается. – Принёс доказательства измены её мужа.

– Бедная.

Мне жаль незнакомку, но Олег лишь усмехается.

– Она очень богатая. А вот этот изменщик невероятно глуп. Я навёл кое-какие справки. Он был никем до этого брака: заурядным преподавателем в вузе с нищенской зарплатой. Зато после свадьбы его карьера пошла вверх. Его статьи начали печатать в научных журналах, в

том числе и зарубежных. А всё потому, что его тесть – выдающийся учёный – составил ему протекцию.

– Понятно... – грустно вздыхаю я. – Каждый сам кузнец своего счастья.

– Или несчастья, – добавляет Олег.

После горячего официант приносит поднос с имбирным чаем и лимоном, а также шоколадный фондан с ванильным мороженым. Олег разливает напиток по чашкам, и над ними поднимается пар, оседая каплями на ободке. Я беру свою обеими руками, наслаждаясь теплом, которое согревает до самых костей.

– Это именно то, что нужно этим вечером, – говорю я, сделав первый глоток.

– Согласен, – отвечает Олег, следуя моему примеру.

Отламываю кусочек фондана и пробую на вкус.

– У тебя немного шоколада на уголке губ, – говорит Олег, пододвигаясь ко мне.

– Исправь, – шепчу я.

И он целует меня. Нежно, осторожно, но с такой уверенностью, что внутри всё переворачивается. Вкус шоколада и его губ становится частью этого вечера. Частью нас.

– Может, в кино? – предлагает Олег, когда мы выходим на улицу.

– На ночной сеанс?

– Ага, на него.

– Почему бы и нет?

В кинотеатре не многолюдно, лишь несколько человек в зале. Мы выбираем задний ряд, самый удобный для тех, кто хочет быть немного в тени. Олег откидывает подлокотник между нашими сиденьями, чтобы я могла положить голову ему на плечо.

Кино начинается. Это романтическая драма, которую я давно хотела посмотреть. Но теперь, когда Олег так близко, фильм становится фоном. Моё внимание сосредоточено на нём: на его запахе, на прикосновениях, на том, как он иногда поправляет прядь моих волос, выбившихся из причёски.

Сначала мы просто сидим рядом. Потом Олег наклоняется и целует меня. Легко, осторожно, как будто проверяет, хочу ли я продолжения. Я отвечаю, и его прикосновения становятся увереннее. Его губы горячие, язык мягко находит мой. Движения плавные, почти ленивые, но в них чувствуется желание.

Его рука скользит по моей спине и ложится на талию, притягивая меня ближе. Мы целуемся так долго, что забываем, где находимся. Фильм продолжается, но никто из нас не смотрит на экран. Олег отстраняется, но только на мгновение. Целует уголок губ, затем подбородок и шею. Я закрываю глаза и растворяюсь в этом моменте.

– Ты пахнешь как лето, – шепчет он, вдыхая аромат моих духов.

Когда фильм заканчивается, мы сидим ещё немного. Тишина между нами такая глубокая, что её не хочется разрушать.

– Пора домой, – говорит он, наконец.

– Да.

На улице стало холоднее. Олег сильнее сжимает мою руку, будто боится, что я исчезну. Мы подходим к машине, и он открывает для меня дверь. По дороге домой я молчу, любуясь городом, застывшим перед рассветом. Вдалеке слышен вой полицейской сирены, но здесь, в нашем маленьком мире, царит тишина.

Он останавливается у моего подъезда, выключает двигатель. Мы сидим в темноте, и я чувствую, как он смотрит на меня.

– Сегодня был хороший вечер.

– Да, – соглашается он. – Очень хороший.

– Ты заедешь завтра?

– Конечно.

– Тогда... до завтра.

Но я не спешу уходить. Наклоняюсь и нежно целую его. Он отвечает, мягко касаясь моей щеки рукой.

– До завтра, Ангел, – шепчет он.

Я выхожу из машины, поднимаюсь на этаж и достаю ключи. Открываю дверь и захожу в квартиру. Включаю ночник, бабушкин, любимый. Ложусь в постель, но не могу уснуть, вспоминая его поцелуи, его объятия.

И в этот момент я понимаю: я влюблена в него по уши.

Глава 19

Олег

Я влюблён.

Чёрт возьми, я реально влюблён.

Стою перед зеркалом в ванной, держа полотенце в одной руке, другую прижимаю к щеке. Смотрю на себя как на чужого. Всё это кажется нереальным. Я, Олег Воронов, бывший полицейский, частный детектив, мститель, убийца – кто угодно, только не человек, способный любить. Но я влюблён. И имя этой любви – Алиса.

Каждый раз, когда она рядом, время замедляется. Её голос, её взгляд, даже то, как она берёт чашку с кофе – всё в ней меня завораживает. Она как редкий луч солнца в этом сером городе. Словно озеро, в которое хочется нырнуть с головой. Но вода в этом озере глубока и грозит забвением. Забвением всего, что было до...

Вспоминаю наши встречи: кафе, кино, прогулки по осеннему парку. То, как мы говорили обо всём и ни о чём, вкус её губ и мои попытки быть нормальным. Нормальным... Как будто такое состояние существует для меня.

Провожу пальцами по подбородку: идеально гладкий. Алисе понравится.

Алиса... Эта девушка прописалась в моей голове. Мыслями я возвращаюсь к ней каждую свободную минуту, и это... Пугает?

Смеюсь.

Смех отражается от кафельных стен, расходится эхом по канализационным трубам и вентиляционной системе.

Бесстрашный Ворон, безжалостный Каратель испугался собственных чувств? Действительно, глупо. Или меня напугало что-то другое?

Мне нужно отвлечься. Освободиться от мыслей хотя бы на несколько часов. Укрыться в привычном уголке, где нет места эмоциям, только алкоголь и музыка. Мне нужно отправиться в «Лабиринт».

Клуб встречает меня полумраком и басами, пробивающими грудную клетку. Музыка громкая, пульсирующая, плотная, и привычная. Возле сцены творится вакханалия: зрители кричат, свистят, бросают деньги. Всё как всегда.

Первая стриптизерша уходит, на её место приходит другая. Потом ещё одна. Все красивые, все одинаковые. Тела, движения, взгляды – всё отработано до мелочей. Они знают своё дело. Знают, как подать себя, чтобы зритель платил.

Но вот, музыка меняется. Свет становится чуть мягче, более интимным. И на подиум ступает она. Вера. Её выступление отличаются от других. Она не просто танцует. Она играет. Не только с залом, но и с собой. Своими эмоциями. Своей болью, которую она никогда не покажет.

И зал бурно реагирует на её появление. Здесь она звезда. Центр маленькой грязной Вселенной. Кто-то вскакивает, кто-то кричит что-то одобрительное. Кто-то швыряет деньги на сцену. Но Вера выбирает. Она это умеет. Сегодня она отдаёт предпочтение мужчине в брендовом костюме, с сигарой в зубах, дорогими часами на руке и довольной ухмылкой. Она улыбается ему в ответ: томно, многообещающе. Он просовывает крупные купюры под резинку ее чулок.

Сжимаю пальцы вокруг бокала. Смотрю, как двигается Вера, как будто раздевается не для всех, а для него. Для его желания. Для его власти. Её взгляд украдкой скользит по мне, задерживается на секунду. В глазах мелькает мука, но она прячет её за вызывающей улыбкой, и больше не отвлекается на меня.

Эта женщина знает мой мир, знает изнанку нашей жизни. Понимает, что такое страх, боль, нужда. И делает всё, чтобы её сын этого не узнал. Она слеплена из того же теста, что и я, и готова к опасностям. Но когда-то она была другой. Ей бы танцевать балет на сцене театра, а вечером готовить ужин и смотреть сериалы, заниматься всем тем, чем занимаются порядочные матери семейств, а не трясти голой грудью в ночном клубе. Но, увы, нет никого, кто бы предложил ей это.

Внезапная мысль пронзает мозг. А если бы вместо Алисы была Вера? Ладони ещё помнят упругость её кожи и запах страсти, который витал вокруг нас, пока мы предавались низменным желаниям в укромном углу. Штаны становятся тесными, и я мотаю головой, прогоняя навязчивые образы. И понимаю, что скучаю по Алисе. Я не уверен, что имею право быть с ней, ставить под угрозу её спокойную, размеренную жизнь, но мне нужно её видеть. Прямо сейчас.

Алиса

Звонок в дверь заставляет меня вздрогнуть. Я сижу на диване, поджав под себя ноги, и листаю книгу, которую уже не читаю: слишком много других забот в голове. Звонок повторяется. Короткий, но настойчивый. Иду в прихожую. Стараюсь не шуметь, чтобы не выдать своего присутствия.

Кто бы это мог быть? В такое время?

Нерешительно смотрю в глазок. И сердце подпрыгивает: на лестничной клетке стоит Олег. Нахмуренный, одетый в кожаную куртку.

Открываю дверь.

– Привет, – говорит он хрипловатым голосом.

Взгляд его, внимательный и настороженный, скользит по мне, словно пытается считать мою реакцию на столь внезапное вторжение.

– Привет, – отвечаю ему. – Рада тебя видеть.

В глазах Олега мелькает облегчение.

– Можно войти?

– Конечно.

Переступив порог, Олег привлекает меня к себе, утыкается носом в макушку, вдыхает аромат волос.

– Я соскучился по тебе.

– Я тоже.

Сейчас, оказавшись так близко к нему, я понимаю, что он нетрезв. Поднимаю голову и вглядываюсь в его лицо.

– Олег... Ты в порядке?

– Да, – кивает он, но мне не кажется, что это правда.

Он снимает куртку, проходит в гостиную и садится на диван. Берёт в руки книгу, которую я читала до его прихода, смотрит на обложку и откладывает в сторону, проводит ладонями по лицу. Физически ощущаю его напряжение. Присаживаюсь рядом.

– Ты уверен, что всё в порядке? – повторяю свой вопрос.

Олег смотрит на меня. Долго. Молча. Потом качает головой.

– Не уверен.

Мне становится страшно. Не за себя, а за него. За то, что в его душе сейчас происходит что-то, к чему я не могу прикоснуться, но зато отчётливо чувствую кожей.

– Ты такой уже не первый день.

– Ты заметила? – Олег удивляется, а мне непонятны причины его удивления.

– Да, в чём дело? – Он не отвечает, и тогда я задаю вопрос, который уже давно зрел внутри: – Ты хочешь быть со мной?

Он поворачивается ко мне. Его лицо темнее, чем обычно. Даже немного мрачное.

– Очень... Но я не уверен, что имею на это право, – говорит он, наконец.

Я молчу, жду продолжения.

– Со мной опасно. Мой мир... он не такой, как твой. Он грязный, жестокий. И ты можешь оказаться в центре всего этого. И ещё... Я не тот герой, которого ты себе придумала. Я хуже. Намного хуже. И когда-нибудь ты во мне разочаруешься.

– Я никого себе не придумала, – хочется смеяться от облегчения после его слов. – Мне нужен ты, Олег. Не герой, не идеал. Просто человек, который пришёл ко мне этой ночью, потому что соскучился, потому что я нужна ему.

Тишина. Мы сидим так близко, я чувствую его дыхание. Олег берёт меня за руку, целует ладонь, запястье, пальцы.

– Останься, – шепчу ему. – Останься на ночь.

Глава 20

И Олег остаётся.

Его пальцы медленно переплетаются с моими. Мы больше не говорим. Слова лишние в этот вечер. В комнате тихо. Только тиканье часов на стене да наше прерывистое дыхание нарушают воцарившееся безмолвие. Его взгляд задерживается на моих губах, и я чувствую, как внутри всё замирает.

Олег притягивает меня к себе, наклоняется. Спокойно, неторопливо, давая возможность передумать, но у меня нет сомнений. Пылко тянусь к нему, и мы сливаемся в трепетном, горячем поцелуе. Его прикосновения легки и неспешны, словно он боится, что я могу исчезнуть. Но я всё ещё здесь. И хочу быть только с ним.

Его пальцы нежно скользят по моей щеке и опускаются ниже: на шею и ключицу, останавливаясь у пульсирующей жилки. Я закрываю глаза, растворяясь в этом мгновении. Нет резких движений, только трепетное желание быть ближе. Олег нежно целует уголок рта, подбородок и проводит влажную дорожку к груди. Выдыхаю его имя, и оно звучит как молитва в тишине комнаты.

Он снимает с меня сорочку, отбрасывает в сторону. И в этот момент его взгляд меняется, становится жадным, голодным, жаждущим продолжения. И я вдруг понимаю, что это лишь ещё сильнее заводит меня. Я хочу его. Хочу так, как никого никогда не хотела. Тянусь к пуговицам на его рубашке. Расстёгиваю первую, вторую. Господи, как же это долго! И тогда я просто рву их. Следом раздаётся нетерпеливое рычание.

– Где кровать? – слышится над ухом. Жестом указываю на соседнюю комнату.

Сильные руки подхватывают меня. Олег рывком поднимается с дивана, бережно прижимая меня к груди, ногой открывает дверь в спальню и опускает меня на постель. Его рубашка летит в сторону, туда же отправляются и джинсы. Матрас проминается под его тяжестью, когда он присоединяется ко мне.

– Малышка, – хрипло шепчет Олег.

Низкий тембр его голоса, заставляет все внутри трепетать от восторга и предвкушения. Тяну его на себя.

– Мой... Только мой...

– Только твой... – вторит Олег. – И ты только моя.

Он снова целует меня: в лоб, в висок, в кончик носа. Кожей чувствую его горячее дыхание, его руки. Они жадно исследуют, запоминают каждый изгиб, касаются самого сокровенного.

Эта ночь становится нашей. Без границ, без страхов. Только мы двое во всём мире, и время, которое остановилось. Его сердце бьётся в унисон с моим, и я понимаю: это то, чего я так ждала. Когда мы становимся одним целым, я закрываю глаза, отдаваясь моменту единения с ним. Прошлого больше нет, страхи исчезают, остаётся только настоящее. Только он, только я. Только наша любовь.

Мы двигаемся вместе. Моё тело с восторгом отзывается на его ласки. Хочется, чтобы эта ночь никогда не заканчивалась, чтобы я могла чувствовать его в себе снова и снова. Его губы касаются моего лица, шеи, плеч, его пальцы выписывают замысловатые узоры, а его взгляд говорит больше, чем тысячи слов. Он не произносит их, но я слышу: «Я тебя люблю».

Всё остальное уже не имеет значения. И пусть мы не говорим, но я знаю, что Олег со мной не просто телом. В каждом движении, в каждом вздохе сквозит преданность. Это не обычная ночь, которая может забыться. Это начало чего-то особенного.

Когда первые лучи солнца проникают в комнату сквозь зашторенные окна, мы всё ещё не можем оторваться друг от друга. Олег прижимает меня к себе, щекой касаясь моих волос, а я слушаю биение его сердца. Мы засыпаем на рассвете, истощённые, но счастливые.

Наступает день. Шум города настойчиво проникает в квартиру, будит меня. Я осторожно встаю, стараясь не потревожить Олега. Он переворачивается на живот, уткнувшись лицом в подушку. На цыпочках выхожу из спальни.

Принимаю душ, а после готовлю завтрак на кухне. Варю кофе, жарю яичницу, режу овощной салат. Через некоторое время слышится скрип двери, и в коридоре раздаются шаги. Я поворачиваюсь и вижу его. Растрёпанного и сонного. Олег останавливается в дверном проёме, опираясь о косяк, и смотрит на меня. Улыбается.

– Доброе утро, Ангел, – говорит он хрипловато.

– Доброе, – улыбаюсь в ответ. – Завтрак почти готов.

Он подходит ко мне. Его руки опускаются мне на талию, и он прижимается щекой к моему виску. Мы стоим так несколько секунд. Просто дышим вместе, чувствуем тепло друг друга. Он не говорит ничего, но я слышу в этом молчании больше, чем в любом признании.

– Ты умеешь делать утро лучше, чем кто бы то ни было, – шепчет он, целуя меня в макушку.

Я улыбаюсь, стараясь спрятать смущение. Мне хочется сказать что-то остроумное, но слова путаются в голове. Осторожно выскальзываю из его объятий, снимаю с огня сковородку, раскладываю яичницу по тарелкам и иду к столу. Олег располагается напротив, берёт мою ладонь в свою.

Мы едим медленно, неспешно. Иногда переглядываемся, перебрасываемся общими фразами. За окном слышны звуки города: гудки машин, лай собак, крики детей на площадке. Но здесь, внутри, тишина. Уютная, домашняя.

– Я бы провёл с тобой вечность, – мечтательно говорит Олег.

– Так проводи.

Он замирает. Смотрит на меня так, словно раньше ему в голову и мысли не приходило, что жизнь может быть такой. Простой. Приносящей счастье обыденными хлопотами. Что можно просыпаться с любимым человеком, разделить с ним заботы и веселье, радоваться каждому новому дню, прожитому вместе.

– Проведу, – выдыхает Олег, прежде чем наши губы сливаются в новом поцелуе.

Глава 21

Олег

С нашей первой ночи прошло больше недели, а, мне кажется, будто мы были вместе всегда. Каждое утро мы прощаемся, чтобы вечером вновь воссоединиться. Вот и сейчас, я у Алисы. Смотрю, как она жарит привезённые мной стейки, а я сам режу салат. Куски получаются крупными, неровными, но Алиса говорит, что они идеальны.

– Это будет самый вкусный салат на свете, – улыбается она.

И её голос звучит для меня как музыка. Она вспоминает фильм, который мы смотрели пару дней назад, а я её почти не разбираю слов, потому что слишком занят ею самой: движениями рук, блеском глаз, улыбкой, которая расцветает на лице, когда она рассказывает что-то особенно интересное.

Ужин потрясающий. Не только потому, что она отлично готовит, хотя да, этот стейк просто тает во рту. А из-за того, что мы вдвоём. Здесь, в этом доме, в этой тишине, между нами нет ни теней прошлого, ни моего кошмара, ни опасностей, которые ждут за дверью. Здесь есть только она и я.

Но тишина разрывается звонком.

Телефон лежит рядом, на подоконнике. Я чувствую, как напрягается Алиса, как её взгляд мелькает в сторону мобильного. Звонок повторяется. И снова.

– Ты не ответишь? – спрашивает она тихо.

Я смотрю на экран. Звонят на запасную сим-карту со скрытого номера. И я вдруг остро осознаю, что я не хочу слышать то, что сейчас услышу. Чёрт! Ну почему именно сегодня? Почему именно сейчас?

Для разговора ухожу в гостиную.

– Да.

– Очередное убийство, – узнаю голос одного из осведомителей. – В доме престарелых «Вишнёвый сад». Жертва – старушка восьмидесяти лет. Из родственников никого, кроме внучатого племянника, который и забил тревогу. По его словам, у неё никогда не было проблем с сердцем, она вела активный образ жизни, но в медицинском свидетельстве говорится, что женщина умерла от инфаркта. Сама она поступила в геронтологический центр два месяца назад.

– Кому понадобилось убивать эту женщину? – хрипло спрашиваю я.

– Хороший вопрос, – соглашается осведомитель. – Информация об этом появилась неделю назад, но шумиху поднять не удалось. Сотрудники дома престарелых представили документы, в которых говорилось обо всех заболеваниях этой женщины, в том числе гипертонии и атеросклерозе сосудов.

– Так может, правы они, а не её внучатый племянник?

– Это не единственный случай скоропостижной смерти в этом центре, – мрачно изрекает осведомитель. – Я скинул на электронную почту всё, что мне удалось узнать.

– Принято.

Нажимаю на кнопку отбой и оборачиваюсь. Алиса стоит в дверях. Хмурая. Напряжённая.

– Всё в порядке? – спрашивает она.

– Не совсем.

Не могу ей лгать, но и правду она знать не должна. Так будет лучше для неё. Для меня. Для нас обоих.

– Что случилось?

– Работа.

– Работа? – Она нервно прикусывает губу. – Надеюсь, ничего срочного?

– Увы. Это срочно.

– Кому-то не терпится разоблачить очередного изменника?

Алиса недовольно дёргает плечом.

– Не терпится, – соглашаюсь с ней.

– И это не может подождать до утра? Они вообще понимают, что у тебя есть своя жизнь, что ты должен отдыхать? – Она подходит ко мне, утыкается носом в грудь и глубоко вздыхает: – Не хочу, чтобы ты уходил. Не хочу оставаться одной этой ночью.

– Прости, – прижимаю её к себе, нахожу её губы, мягкие, податливые. – Я тоже не хочу, но это действительно не может ждать.

Наш поцелуй прерывается. Алиса кивает. Медленно. Сдержанно. В её глазах тревога, и я чувствую, как она хочет спросить больше, узнать всё. Но она не делает этого. Она доверяет мне. Обещаю вернуться завтра.

Иду к двери, Алиса следует за мной, ладонью касается лица, шепчет:

– Будь осторожен.

– Конечно.

На улице холодно. Сажусь в машину и возвращаюсь в свою холостяцкую берлогу. Достая из потайного сейфа новый, недавно купленный ноутбук и изучаю присланный материал. Свидетельство о рождении, свидетельство о смерти, выписки из районной поликлиники, согласно которым старушку хоть в космос отправляй. А вот в заключении врачей геронтологического центра «Вишнёвый сад» говорилось, что усопшая имела проблемы с сосудами, страдала повышенным давлением и кучей других заболеваний. Но ведь все знают, какое отношение к пенсионерам в районных поликлиниках? А в центре она могла получить более качественное медицинское обследование.

Женщину звали Гаврилова Антонина Сергеевна, в дом престарелых поступила два месяца назад, подписала договор в обмен на квартиру. В принципе достаточно распространённая практика для тех, у кого нет иной возможности оплатить проживание и качественный медицинский уход в дорогом частном центре. Андрей, её внучатый племянник и единственный наследник, действительно устроил скандал, когда выяснилось, что после смерти родственницы не может претендовать на наследство. Это ещё не доказательство преступного сговора, хотя совпадение крайне подозрительное. Но чем дольше я изучаю присланные документы, тем больше меня раздражают сомнения.

Десять смертей за последние полгода. Всех умерших объединяет одно: одиночество и скоропостижная кончина в течение месяца после попадания в «Вишнёвый сад». Старики не были богатыми, но и нищими их назвать было нельзя. Как минимум у каждого имелась квартира, которая передавалась в центр в обмен на уход. Андрей – единственный, кто попытался поднять шумиху, но полиция не нашла криминальной составляющей в гибели его родственницы.

Дальнейший поиск заставляет меня крепко задуматься. Квартиры были проданы на торгах, а деньги от продажи осели на счетах руководителя дома престарелых. К утру, изучив все десять дел, прихожу к выводу, что стариков лишали жизни умышленно ради обогащения, а полиция бездействовала.

Скачиваю всё, что нахожу. Распечатываю. Вкладываю в серую папку. Попробую толкнуть полученную информацию журналистам. В случае неудачи, решение по руководителю центра и по тому, кто исполнял приказ, уже принято.

Глава 22

Алиса

– Читала новости? – спрашивает Таня, подсаживаясь ко мне на диван в комнате отдыха.

– Что? Какие новости? – не понимаю я. – Я только пришла на перерыв, ещё даже кофе не успела выпить и сэндвич разогреть.

– Ну, ты даёшь! – удивляется коллега. – Вся больница с утра гудит. Ты посмотри!

Она кидает мне на колени свёрнутую газету. Разворачиваю и тут же натываюсь взглядом на громкий заголовок: «Убийства в «Вишнёвом Аду».

– Жуткая схема убийств в частном геронтологическом центре «Вишнёвый сад», – бормочу себе под нос начало статьи. – За последний год там скоростижно скончались не менее десяти пожилых людей. Причиной смерти в каждом случае значился инфаркт или острая сердечная недостаточность. Однако есть основания предполагать, что эти смерти были неслучайными. Директор центра, пятидесяти четырёхлетний Виктор Михайлович Романов, и его ближайшая помощница Светлана Владимировна Горина, организовали преступную схему, при которой пожилые люди, не имеющие близких родственников, оформляли договоры на передачу своей недвижимости в собственность центра в обмен на «качественный уход и проживание». Но вместо заботы они получили смертный приговор. Смерть наступала после внутривенного введения препаратов, вызывающих остановку сердца. Это создавало внешнюю картину инфаркта, что позволяло скрыть истинную причину гибели. Квартиры умерших затем реализовывались, а вырученные средства шли на счета директора и его сообщницы.

– Ты представляешь?! – возмущается Таня. – Я с этой Гориной в одном колледже училась! Никогда бы не подумала, что она на такое способна. Всегда была серой мышью.

– Кошмар! – откладываю газету в сторону и потираю виски. – Думаю, преступники не уйдут от наказания, раз уж событие получило общественный резонанс. Я верю, что журналисты доведут дело до конца.

– Вот смотри, – Таня достаёт из сумки телефон, открывает новостное приложение: – Здесь есть интервью с Андреем. Он дал показания. Рассказал всё: как его тётя попала в дом престарелых, как она чувствовала себя хорошо, как внезапно умерла. Как он начал подозревать, что что-то не так. Как полиция отмахнулась от его подозрений.

– Что обсуждаете?

Дверь открывается, и в комнату входит Максим. После того вечера, когда за мной заехал Олег, мы так и не поговорили толком. Максим теперь вечно был занят операциями, написаниями заключений, мы даже перестали вместе пить кофе. А мне его не хватало все эти дни.

– Только не говори, что ты тоже ещё не читал? – Таня забирает у меня газету и отдаёт Максиму.

Он смотрит на заголовок и кивает.

– Ну как же, прочитал ещё утром. Говорят, что эта Горина – любовница Романова. Она исполняла всё, что он ей приказывал: вводила препараты, фальсифицировала записи. Ни капли совести.

– Это ужасно! – Таня закрывает ладонями лицо. – С какой же тварью я училась! Ладно, засиделась я тут. – Встав с дивана, она направляется к выходу. – Не знаю, как я буду сейчас уколы ставить. Руки дрожат.

Таня ушла, и мы с Максимом остались вдвоём.

– Будем надеяться, что все виновные получают по заслугам, – говорит он. – Извини, я сейчас.

Максим выходит, чтобы через пять минут вернуться с букетом.

– Это тебе. Надеюсь, ты любишь розы.

Он протягивает мне цветы, а я слишком растеряна, чтобы сказать хоть что-то.

– Люблю, – лепечу я. – А в честь чего? У меня не сегодня день рождения.

– Просто так, – улыбается Максим. – Ладно, мне тоже надо работать. Хорошего дня.

Я остаюсь одна в комнате в обнимку с шикарным букетом.

– Спасибо. Хорошего дня...

Но Максим меня уже не слышит. Набираю воду в дежурную вазу и опускаю в неё розы. Поступок коллеги удивляет, сбивает с толку. Я всегда считала, что мы всего лишь друзья. Впрочем, и он никогда не давал ни единого повода думать иначе. Или давал?

Вспоминаю, сколько раз он меня подвозил до дома, сколько раз угощал кофе, сколько раз мы трепались с ним обо всём на свете. Неужели я настолько ошибалась в наших с ним отношениях? В голове всплывают слова мамы, чтобы я присмотрелась к Максиму, ведь он хороший молодой человек, а я лишь небрежно отмахивалась от разговора. Не знаю, как бы у нас сложилось, будь он более конкретным в своих действиях, но сейчас у меня есть Олег, и никто, кроме него, мне не нужен.

Цветы я оставляю на столе в комнате отдыха, когда вечером ухожу из клиники. Олег уже ждёт меня у ворот. Его чёрный, блестящий в свете фонарей, внедорожник стоит на парковке. Холодный воздух проникает под плащ, но это усиливает предвкушение домашнего тепла.

В салоне пахнет кожей и автомобильным ароматизатором. Олег заводит двигатель, и машина трогается. Ночной город оживает: улицы, освещённые мягким светом, кажутся таинственными. Вдалеке мерцают огни светофоров, создавая ритм ночного мегаполиса.

Включая радио, Олег выбирает спокойную мелодию. Свет приборной панели мягко освещает его лицо. Напряжение покидает меня, уступая место расслабленности. Я понимаю, что рядом с ним мне ничего не страшно.

Мы едем, и я смотрю в окно на проносящиеся здания, деревья и витрины. Всё кажется нереальным, словно время замедляется.

– Читал новости? – спрашиваю я.

Олег бросает на меня быстрый взгляд, но не отвечает сразу.

– Об убийствах в доме престарелых? – наконец спрашивает он. И мне кажется, что он старается говорить как можно беззаботнее.

– Значит, читал, – киваю я.

– Да. Надеюсь, теперь полиция не сможет всё спустить на тормозах.

– Я уверена, что виновные понесут справедливое наказание.

Мои слова почему-то вызывают у Олега усмешку. С удивлением смотрю на него. Губы его кривятся в гримасе горечи. Мне непонятна его реакция.

– Видишь ли, – объясняет Олег, заметив мой взгляд, – я много лет отработал в этой системе, поэтому не очень-то верю в её работу, но надежда умирает последней. Потому что, если полиция не покарает преступников... – он осекается и резко меняет тему: – Заедем в кафе? Или сразу домой?

– Домой, – прошу я и внезапно даже для самой себя добавляю: – К тебе.

Глава 23

Олег

– Ко мне?!

Я на мгновение теряю дар речи. В голове будто щёлкает тумблер, переключая меня в другой режим. Щёлкает-щёлкает и не срабатывает. Я не уверен, что готов к этому. Дело не в том, что я не хочу видеть Алису в холостяцкой берлоге. Просто понимаю: если она придёт, я уже не смогу скрывать от неё свои тайны. Наши отношения перестанут быть просто интрижкой. Все эти разговоры о вечности хороши, пока не переходят в действия. С другой стороны, я ведь не лгал, когда говорил, что хочу этого. Проблема в том, что придётся раскрыть слишком многое. А я не уверен, что так будет правильно.

– Там не прибрано, – говорю первое, что приходит в голову.

– Мне всё равно, – улыбается она. – Если надо, я сама приберусь. Просто хочу посмотреть, как ты живёшь.

Её слова звучат легко и непринуждённо, но я понимаю их истинное значение: Алиса хочет заглянуть в мою жизнь, узнать меня настоящего. Я колеблюсь. Нет, не из-за беспорядка, конечно же. Меня пугает мысль, что ей может не понравиться то, что она найдёт там. Что распахнув дверь в мой мир, она разочаруется царящему в нём холоду. И тьме. Но отказать не могу. Не ей. Не сейчас.

Квартира встречает нас затхлым воздухом давно непроветриваемого помещения. Я спешу приоткрыть окно, а Алиса проходит внутрь и осматривается. Её напряжённый взгляд скользит по голым стенам, по мебели.

– Ты либо съезжаешь, либо не успел поселиться, – задумчиво бросает она и прикусывает нижнюю губу.

– Почему ты так решила?

Алиса пожимает плечами.

– Квартира как будто нежилая. Нет памятных фотографий, потрёпанных, зачитанных до дыр книг, любимых чашек с блюдцами, привезённых из поездок сувениров.

– Я появляюсь здесь, чтобы переночевать, принять душ и переодеться. Присаживайся, – жестом указываю на диван.

Но Алиса продолжает стоять в центре комнаты, неловко переминаясь с ноги на ногу. Она смотрит куда-то в сторону. Отслеживаю её взгляд и чувствую, как всё внутри обрывается. Серая папка. Она лежит на рабочем столе рядом с незакрытым ноутбуком. Непростительная беспечность с моей стороны!

Пока я думаю, как отвлечь её внимание, Алиса подходит к столу. Проводит пальцем по кожаной обложке папки.

– Здесь что-то важное? – спрашивает она.

– Работа, – отвечаю как можно спокойнее.

– Изменщики и изменщицы...

Алиса быстро отдёргивает руку, словно ей неприятно даже прикасаться к фотографиям тех, кого уличили в супружеской неверности. Он отходит, и я выдыхаю. Кажется, обошлось.

– Прости, это не дом. – Она приближается ко мне, кладёт ладонь мне на грудь. Смущённо улыбнувшись, продолжает: – Дом – это там, где уют, где тепло, где можно расслабиться и забыть обо всём на свете.

– Ты права. Это не дом. У меня нет дома, с тех пор как сгорела родительская квартира, – я хочу улыбнуться, но улыбка получается кривой и со стороны, скорее всего, больше похожа на оскал.

– Мне жаль, – говорит Алиса.

Я знаю, что ей действительно жаль. Хочу предложить ей уйти. Вместе. Заглянуть в какое-нибудь кафе, вкусно поесть, поговорить и забыть о моём убогом жилище, но Алиса двигается дальше. Она идёт на кухню.

– Голоден? – спрашивает она. – Не возражаешь, если я что-нибудь приготовлю?

– Нет, но вряд ли у меня есть из чего готовить.

Останавливаюсь в дверях, прислоняюсь плечом к откосу и наблюдаю за её действиями. Алиса открывает холодильник и внимательно рассматривает содержимое.

– Так, сегодня на ужин нас ждёт... Та-дам! – С громким восклицанием она достаёт яйца, подсохший сыр, заветренный кусок колбасы и какие-то овощи. – Омлет с ветчиной, сыром и брокколи!

Развожу руками.

– Моя кухня в твоём распоряжении. И я тоже. Твори, волшебница.

Алиса сияет. С горящим взором она берётся за дело.

– Думала, найду у тебя только пельмени.

– Чего нет, того нет. Нельзя мне пельмени, от них толстеют, – хлопаю себя по животу. – А мне надо быть красивым и стройным, чтобы ты не променяла меня на кого-нибудь помоложе.

Алиса замирает, смотрит на меня недоверчиво, потом уголки её губ дёргаются, и она прыскает со смеху.

– Да ну скажешь тоже! – отмахивается она.

Пока она готовит, ухожу в комнату и бросаю папку в ящик стола. Сейчас нет времени лезть в сейф, да и что я скажу Алисе, если она застукает меня за этим делом? Как я ей объясню наличие поддельных документов, оружия и патронов? А так... Я знаю, что эта хорошая девочка не станет рыться в чужих вещах. И чем меньше она знает, тем лучше для всех. И безопаснее.

Возвращаюсь на кухню. Покончив с готовкой, Алиса раскладывает омлет по тарелкам.

– Пахнет обалденно, – говорю я, приближаясь к ней.

– Спасибо, – улыбается она. – Надеюсь, на вкус тоже неплохо.

Ужин проходит за неспешным разговором: мы о чём-то болтаем, смеёмся и делимся воспоминаниями. Потом я мою посуду, а Алиса сидит за столом и наблюдает за моими действиями, время от времени отпуская невинные шуточки, которые вызывают у меня улыбку.

Она остаётся на ночь. Это получается само собой. Я нахожу чистое бельё и полотенце в шкафу, впервые чувствуя себя немного неловко из-за того, что в квартире царит беспорядок. Подумываю о том, чтобы провести влажную уборку, но решаю оставить это на потом. Мысленно смеюсь, представляя себя со шваброй в руках.

Не сплю до утра, прислушиваясь к её тихому ровному дыханию, к звукам капающего в ванной комнате крана, к завыванию ветра за окном и к шагам соседей по лестничной клетке. Время тянется медленно. Плечо затекло и теперь покалывает, но я не двигаюсь, чтобы не потревожить сон любимой женщины. Первой и единственной, побывавшей в моей берлоге и оставшейся до рассвета.

Глава 24

Зажав в зубах сигарету, сижу в «Лабиринте» за барной стойкой, слушаю, о чём говорят посетители, перебрасываясь ничего не значащими фразами с Гришей. Дым поднимается над стаканом виски, исчезая в вытяжку, и я смотрю сквозь него, будто пытаюсь разглядеть ответ в сизом облаке.

Дом престарелых «Вишнёвый сад». Десять смертей. Слишком чисто, слишком гладко. Все умершие оказались одинокими пенсионерами. Людьми, которых некому было защитить. Полиция закрывает на преступление глаза, журналистов затыкают исками о клевете, а директор центра спокойно продолжает принимать новых постояльцев. Я хотел решить всё по закону. Честно. Нашёл документы, собрал доказательства, передал их в газету. Думал, пусть общество узнает правду. Пусть давление начнётся сверху. Но нет. Вместо арестов – иски. Вместо справедливости – ещё большая несправедливость. Да, я знал, что так и будет, но должен был дать шанс правосудию.

Сигарета догорает до фильтра, и я закурываю новую. Вспоминаю наш разговор с Алисой после первой ночи, проведённой вместе в моей берлоге. Мы сидели на кухне: я пил кофе, а она готовила сэндвичи.

– Олег, у тебя здесь как в казарме. Ничего живого. Даже цветка нет. Давай я тебе шлюмбергеру принесу.

– Шлю... что?! – я закашлялся, поперхнувшись кофе.

Алиса в ответ звонко рассмеялась и поспешила пояснить.

– Рождественник! Его ещё декабристом называют. Такие красивые бело-малиновые цветки. Красные ещё есть.

– Ну, декабрист я знаю. У мамы такой на окне стоял. Красиво цвёл.

– Значит, решено. Принесу тебе шлюмбергеру, – заявила Алиса.

– Лучше декабрист. А ещё лучше ни того ни другого. Засохнет. Забуду о нём. Цветок же не кошка, не мяукает, когда пить или есть хочет.

– А ты не забывай, – назидательно произнесла Алиса и улыбнулась.

В то утро я отмахнулся от её слов, но сейчас понимаю: она права. Я привык жить в пустоте. Где нет ничего лишнего, ничего, за что можно зацепиться. Потому что если ни к чему не привязываться, то не будет и боли, когда всё рухнет. Но Алиса принесла с собой уют. И тепло. И, чёрт возьми, мне это понравилось.

На сцене Вера заканчивает танец. Я настолько занят собственными мыслями, что даже не смотрю на неё. С тех пор как в меня стреляли, мы больше не уединялись с ней, чтобы удовлетворить животную похоть. Может, она уже нашла себе нового покровителя.

Вера собирает купюры, направляется за кулисы. С покрасневшим лицом она проходит мимо, шатаясь на высоких каблуках. Устала весь вечер притворяться, что ей весело. Что ей нравится, как мужчины липнут к ней, словно мухи на мёд.

Вторая сигарета тоже дотлевет до фильтра, гашу окурочек в пепельнице и залпом допиваю виски. В последнее время при Алисе стараюсь не смолить. Ругается. Запрещает. А мне смешно. Чувствую себя подростком, пойманным директором за углом школы. Но чего не сделаешь ради любимой? Даже курить бросишь.

Резкий, истошный вопль заставляет меня оторваться от созерцания дна опустевшего бокала. Крик раздаётся снова. Уже ближе. Оборачиваюсь. Вижу, как один из клиентов, пьяный и красный от злости, тащит Веру за волосы, попутно отвешивая ей пощёчины. Та пытается вырваться, но он не отпускает. Толпа замирает в ожидании развязки. Кто-то снимает на телефон. Кто-то отводит взгляд.

– Ты взяла мои деньги, сука! – орёт незнакомец. – Теперь отработывай!

– Я ничего не брала! – плачет Вера, лицо её покраснело от пощёчин. – Я же сказала, что просто танцую! Я не проститутка!

Мужчина замахивается. В очередной раз. Я встаю. Он не видит меня, полностью сосредоточившись на унижении незащищенной женщины. Подхожу сзади и с силой оттаскиваю его от неё. Он даже не успевает понять, что происходит, когда мой кулак врежется ему в челюсть. Выплёвывая выбитые зубы, обмудок валится на пол. Добиваю его пинком в живот. Хватаю Веру за руку и тяну в подсобку. Толпа безмолвно расступается перед нами, чтобы сомкнуться за нашими спинами.

Вваливаемся в помещение, и я закрываю дверь на замок. Вера садится на диванчик, обхватывает колени руками. Её трясёт словно в ознобе. От страха. От боли. От унижения. Слезы градом катятся по щекам. Опускаюсь перед ней на корточки.

– Я не брала... Олег... Он сам сунул эти деньги за резинку чулок... Я отказывалась...

– Я знаю-знаю, – говорю тихо. – Успокойся.

– Я не проститутка, Олег... Я только с тобой... Да я брала у тебя... Но мне нужны были эти деньги... Сын болел... А потом...

– Всё-всё, не плачь. Этот урод тебя больше не тронет.

Сажусь рядом, притягиваю Веру к себе. Мягкая, податливая, она рыдает у меня на плече. Никогда ранее не видел её такой.

– Как я пойду домой? – всхлипывает она. – Что я скажу Сашке? Как объясню, откуда на мне эти синяки? – Вера указывает на багровеющие гематомы на руках, на шее, на лице. – И как я буду танцевать? На что мы будем жить?

Её голос дрожит. Она живёт в этом кошмаре каждый день без надежды когда-нибудь из него выбраться.

– Ты можешь уйти, – успокаивающе глажу её по волосам. – Найти другую работу. Начать всё заново.

– Уйти?! – Вера смеётся сквозь слёзы. – Ты веришь, что отсюда можно уйти?

– Да.

– А я нет! Я так глубоко увязла в этой грязи, что и сама стала грязью. Мне стыдно смотреть в глаза честным людям. Я уже и не знаю, как быть нормальной.

И я не представляю, что ей сказать, как ещё утешить. Мне ведь нечего ей предложить. Достая бумажник, извлекаю оттуда почти все деньги, отдаю их Вере. Та берёт их с непонимающим видом.

– Этого хватит на некоторое время. А потом что-нибудь придумаешь.

– Спасибо, – я слышу сомнение в её голосе. Да я и сам не уверен в собственных словах.

Она одевается, и мы выходим. Провожая Веру до дома на такси. Сажу рядом, молчу. Иногда бросаю на неё взгляд. Она смотрит в окно, будто там, за стеклом, может быть ответ на вопрос, который она задаёт себе каждый день: «Как жить дальше?»

Возле её дома мы оба выходим из машины. Я говорю:

– Завяжи с этим. Пока не стало слишком поздно.

Она кивает и понуро тащится в подъезд.

Такси уезжает, а я остаюсь на улице. Холодно. В кармане звонит телефон. На экране высвечивается номер Алисы.

– Ты где? – слышу её голос тёплый, сонный.

– На улице.

– Тебя ждать?

– Спи. Я приду завтра.

– Спокойной ночи.

Я кладу трубку.

Пора заняться «Вишнёвым садом». По-настоящему. Не через газеты. Не через полицию.
А так как я умею.

Глава 25

Ночь. Темнота. Холодный ветер бьёт в лицо, выветривая из головы последние пары алкоголя. Я стою перед особняком Виктора Михайловича Романова, директора «Вишнёвого сада». Спрятанные в карман пальцы сжимают рукоять пистолета. В голове чёткий план. Никаких сомнений. Романов давно перестал быть человеком. Он механизм, который перемалывает жизни, а я тот, кто его остановит.

В гостиной горит приглушённый свет. Значит, Романов не спит. Насколько мне известно, Горина должна быть с ним, поскольку она вот уже несколько недель окончательно перебралась к нему. Озираюсь по сторонам. Над входом висит камера, как напоминание, что после того, как всё закончится, надо будет подчистить все улики.

Перепрыгиваю через ограждение и обхожу особняк. Задний двор залит тусклым светом луны. Подбираюсь к окну и прислушиваюсь. Тишина. Надеваю перчатки, достаю стеклорез, аккуратно провожу по краю, после чего легонько бью рукояткой пистолета. Стекло поддаётся с едва слышным звоном. Протягиваю руку, поворачиваю фиксатор, открываю створку и запрыгиваю на подоконник. Я внутри.

Выскальзываю из комнаты и шаг за шагом продвигаюсь по коридору, прислушиваясь к доносящимся голосам. Останавливаюсь возле гостиной и выглядываю. В кресле перед камином сидит директор «Вишнёвого сада», у него на коленях расположилась его подельница.

– Скоро купим виллу на побережье Италии и уедем, – мечтательно говорит Романов. И я по его спокойному, довольному голосу понимаю: мыслями он уже нежится под солнцем на пляже с белоснежным песком. – Осталось чуть-чуть. Надо немного подождать, пока шумиха уляжется... И откуда только взялся этот внучатый племянник? – добавляет Романов с лёгким раздражением. – Ну ничего, у меня есть хороший знакомый в МВД, он заставит журналистов заткнуться. Найдёт, по какой статье их посадить. Зря я ему, что ли, столько бабла отстегиваю?

Горина весело смеётся, поправляя волосы.

– Ты пробила новенькую, кажется, её фамилия Иванова? – спрашивает он. – У неё квартира в хорошем спальном районе.

– Да, – кивает Горина. – Уже готовлю нужные документы и схему лечения.

На этих словах Романов одобрительно усмехается.

Достаточно. Я услышал всё, что хотел. Держу преступную парочку на прицеле и вхожу в гостиную.

Романов резко поднимает голову. Горина вскакивает с колен, лицо её искажается в гримасе ужаса и непонимания.

– Стоять! – команду я, продолжая целиться то в одного, то в другого. – Не двигаться.

– Ты кто такой? – рявкает Романов, со всей злостью впиная пальцами в подлокотники кресла.

– Тот, кто пришёл за расплатой, – отвечаю я. – Встать. Медленно.

Горина дрожит, её губы беззвучно шевелятся. Романов бросает на неё взгляд, будто ищет поддержки, но она лишь издаёт жалобный всхлип.

Делаю шаг вперёд, присаживаюсь на стоящую поблизости банкетку.

– Теперь поговорим о «Вишнёвом саде». Или, как метко окрестили его журналисты, «Вишнёвом аде».

Романов вскакивает с кресла, лицо его багровеет от ярости.

– Пшёл вон, мразь! – рычит он, сжимая кулаки. – Ты хоть знаешь, с кем связался?! Да я тебя уничтожу! Тебя и всех твоих близких! Тебя в канаве найдут с перерезанным горлом и ножом в спине и скажут: самоубийство!

Я слушаю его молча. Не опуская пистолета. Директор дома престарелых старается говорить грозно, чтобы напугать меня до усрачки, но голос его дрожит, в глазах не столько гнев, сколько животный страх. Он привык, что все трепещут перед его деньгами и связями. Но сегодня не тот день.

– Закончил? – спрашиваю я.

Он замолкает, тяжело дыша. Горина стоит, прижавшись к стене, будто надеясь, что я её не замечу.

– Виктор Михайлович Романов, – говорю я холодно, – и Светлана Владимировна Горина. За убийство десятирех человек, заведомо для вас находящихся в беспомощном состоянии, по предварительному сговору, с использованием служебного положения, из корыстных побуждений вы приговариваетесь к смерти.

– Что за бред, – неверяще бормочет Романов.

Горина же вскрикивает и падает на колени.

– Я не виновата! Это он меня заставил! – лепечет она, тыча пальцем в подельника. – Я просто исполняла приказы! Я всё расскажу полиции, только не убивай!

Романов бросает на неё взгляд, полный ненависти.

– Сука, – шипит он.

– Встань! – приказываю я Гориной. – Свяжи его.

Вырываю шнур из торшера и бросаю ей. Она дрожащими пальцами начинает обматывать запястья Романова, затем лодыжки. Тот сопротивляется, но удар дулом пистолета в висок заставляет его присмиреть.

– Ту же, – говорю я.

Горина затягивает узлы, слёзы стекают у неё по щекам.

– Теперь достань из аптечки то, чем ты колола стариков, – командую я.

Она замирает.

– Нет... Я... я не могу...

– Тогда давай поменяем вас местами, – усмехаюсь я. – Тебя свяжем, а твой любовник пусть вколет тебе этот препарат. Смотри, как он бешено скалится, думаю, он уже согласен.

Дёрнув плечом, Горина идёт в ванную комнату. Я следую за ней. Из навесного шкафчика она берёт аптечку, открывает её, достаёт ампулу и шприц. Трясущимися руками она набирает жидкость. Мы возвращаемся в гостиную.

Увидев нас, Романов начинает метаться, глаза вылезают из орбит.

– Нет! Нет, не делай этого! У меня связи! Деньги! Я всё могу исправить!

Горина подходит к нему и всаживает иглу в вену.

– Прости меня... – шепчет она.

– Сука! Дрянь! – орёт он. – Не смей!

Я вжимаю дуло пистолета ей в затылок.

– Делай.

Она вводит препарат.

Сначала Романов просто широко открывает глаза. Потом его дыхание становится прерывистым, тело дёргается в конвульсиях. Он пытается что-то сказать, но изо рта вытекает только пена. Через минуту он обмякает, голова откидывается на спинку кресла. Зрачки расширены, не реагируют на свет.

Горина стоит, обхватив себя за плечи, вся в слезах.

– А теперь бери лист бумаги, ручку и пиши.

– Что писать? – не понимает она, но послушно садится за стол и тянется к письменным принадлежностям.

– Признание. Ты убила всех этих людей по приказу Романова, а после убила и его, потому что не выдержала мук совести.

– Хорошо-хорошо, – Горина неровным почерком выводит нужные мне слова на белом листе. – А потом ты меня отпустишь?

– Отпущу, когда закончу, – киваю я.

– Что ты имеешь в виду?

Она поднимает на меня недоумевающий взгляд. Я ставлю перед ней упаковку со снотворным.

– Пей.

Меня не трогают ни её мольбы, ни её слёзы. Я смотрю на эту женщину, но вижу лишь беззащитных стариков, погибших из-за её алчности.

В конечном итоге она подчиняется, и я заставляю Горину лечь на диван и жду, когда препарат подействует. После убираю за собой все следы и стираю видеозаписи. Выхожу из особняка. Здесь мне больше нечего делать. Правосудие свершилось. Не по закону. Но по справедливости.

Глава 26

Ноябрьское солнце светит, но не греет. Его лучи неощутимо скользят по коже и слепят глаза, заставляя жмуриться. Город вязнет в лёгкой дымке утреннего холода. Воздух резкий, свежий, с едва уловимым запахом первого инея и близкой зимы.

Мы с Алисой идём по широкой улице, где ещё сохранились следы прошедшего лета: яркие вывески кафе, деревянные скамейки на тротуаре, цветочные кашпо, пусть и без пышной растительности. Опавшие листья шуршат под ногами при каждом шаге. Ветер порывистый, но незлой, он будто напоминает, что пора закутаться поплотнее.

Алиса в длинном пальто с платком на шее время от времени придерживает рукой сумочку, ремешок которой вот-вот оторвётся, но она этого не замечает. Она улыбается, не обращая внимания на холод, иногда замирает, чтобы рассмотреть что-то интересное: старинный фонарь, книжный стенд или кофейню с живыми растениями на подоконниках. Ей хочется всё успеть, всё потрогать, всё запомнить.

Я иду немного позади, наблюдаю за ней. Мне нравится, как она улыбается продавцу, как ёжится, когда ветер пробирается под тонкий платок, как смеётся, рассказывая мне что-то неважное в масштабах Вселенной, но очень важное для неё, а значит, и для меня.

Проходим мимо парка. Скамейки пустые, качели с протяжным скрипом покачиваются на ветру. Где-то вдали играет музыка, глухо и расплывчато. Аромат свежеспеченного хлеба из ближайшей пекарни смешивается с запахом прелой листвы и вчерашнего дождя.

– Смотри! – Алиса вдруг указывает на маленькую антикварную лавку. – Там такие красивые часы на витрине.

Подходим ближе. Часы действительно притягивают к себе взгляд: старинные, с деревянным корпусом и металлическими стрелками, медленно ползущими по циферблату. Они словно о чём-то напоминают. О времени, которое нельзя вернуть. Или о чём-то, что стоит сохранить.

Алиса смотрит на них задумчиво.

– Интересно, какого они века? – вдруг спрашивает она.

– Вот чего не знаю, того не знаю, – отвечаю. – Хочешь, зайдём и спросим?

Она мягко улыбается и качает головой.

– Нет, иначе я оттуда нескоро выйду. А сегодня мне хочется прогуляться. В ноябре не так много хороших дней. Оставим эту лавку для дождливой погоды.

Я не возражаю, и мы продолжаем путь, возвращаясь к центральной улице. Моё внимание привлекает старый кинотеатр с афишей фильма, уже давно снятого с проката. Но здесь его до сих пор показывают, потому что кому-то он ещё дорог и интересен.

Приобнимаю Алису за талию. Настроение тёплое, почти праздничное.

– У тебя сумка порвалась, – замечаю я вдруг.

Ремешок действительно начинает отходить. Алиса недоумённо смотрит на него.

– Ну вот, это моя любимая сумочка. Теперь надо искать, где её можно починить.

– Я знаю тут одно место, – говорю я. – Идём. Заодно познакомлю тебя с одним очень хорошим человеком.

Сворачиваем в узкий переулок и выходим к многоэтажке, где на цокольном этаже прячется маленькое ателье.

– Вряд ли здесь будут ремонтировать сумки, – с сомнением произносит Алиса, заходя внутрь вслед за мной.

– Здесь ремонтируют все, – уверенно заявляю я. – Рада! – зову свою знакомую.

Она сидит за швейной машинкой и удивлённо поднимает голову при нашем появлении. В глазах её вспыхивают радостные огоньки, когда она видит меня.

– Олег! – вскрикивает Рада, откладывая шитьё в сторону и поднимаясь из-за стола. Она бросается мне на шею и в это время замечает Алису. – Ой, ты не один? Представишь мне свою спутницу?

– Конечно, познакомьтесь, это Алиса, моя девушка, – говорю я. – А это Рада, моя... мой...

– Старый друг, – с улыбкой заканчивает за меня Рада.

– Очень приятно, – Алиса улыбается в ответ.

– Мне тоже. А вы зашли просто познакомиться? – недоверчиво спрашивает Рада.

– Не совсем, – признаюсь я и киваю на сумочку Алисы. – Случилась небольшая авария.

Поможешь?

Алиса отдаёт Раде сумочку, и та внимательно осматривает оторвавшийся ремешок.

– Легко. Минут десять. Можете погулять немного или здесь подождать.

– Здесь подождём, – отзывается Алиса.

Она с любопытством рассматривает интерьер, трогает ткани, комментирует вышивку на одной из салфеток.

– Очень красиво. Это вы сами делали? – спрашивает она.

– Да, люблю заниматься рукоделием. Это расслабляет. И со мной можно на «ты».

Я слушаю их диалог. Они быстро находят общий язык. Рада, обычно сдержанная и немногословная, вдруг начинает объяснять, чем вышивка крестиком отличается от вышивки гладью, демонстрирует пару примеров. Алиса восхищённо ахает и цокает языком.

– А я в последний раз в школе вышивала.

– Каждому своё, – философски замечает Рада. – Мне вот в школе не до вышивки было, зато потом полюбила. – Она говорит легко, и только я знаю, сколько боли скрывается за её словами. – Готово!

Она отдаёт Алисе сумочку.

– Так быстро! – удивляется та. – Сколько с меня?

– Нисколько, – отмахивается Рада и незаметно подмигивает мне. – Помочь Олегу и его девушке мне только в удовольствие. Но если так хочется заплатить, можете пригласить меня в кафе на чашку кофе. Что-то сегодня работать совсем не хочется.

– Мы только рады будем, – соглашается Алиса.

Через пятнадцать минут мы уже сидим в уютном уголке, расположенном через дорогу от ателье, пьём кофе и едим пирожные. Алиса листает телефон. В какой-то момент она замолкает, глаза загораются интересом.

– Ты посмотри, что пишут, – протягивает она мне экран. – Директор «Вишнёвого сада» и его помощница. Оба мертвы.

Сердце на секунду замирает. Но я сохраняю лицо.

– Ну надо же, – роняю ничего не значащую реплику.

– Горина убила Романова, а затем покончила с собой, не вынеся мук совести. Она во всём созналась в предсмертной записке. Так говорится в новостях.

– Ну, и отлично! – Рада поджигает губы. – Собаке собачья смерть. Скольких они уже на тот свет отправили?

Алиса не реагирует на её замечание и переходит к комментариям под новостью.

– Здесь пишут, что это сделал Каратель, – растерянно произносит она. – И люди считают, что он поступил правильно.

– Я с ними полностью согласна, – Рада бросает на меня быстрый взгляд и тут же отводит глаза.

– Но так нельзя! – возмущается Алиса. – Никто не имеет права творить самосуд!

Чувствую, как по спине пробегает холод от её слов, подбирается к затылку, стягивая кожу.

– А как они можно? – задаёт вопрос Рада. – Убивать пенсионеров ради квартир можно?

– Нет! – восклицает Алиса. – Так тоже нельзя! Никто не имеет права решать, кому жить, а кому нет! Но судить должен закон, а не какой-то мстительный психопат!

– Мстительный психопат? – хрипло повторяю я. – А если закон не работает?

– Да, система неидеальна, но если каждый будет брать на себя функции судьи, то мы скатимся в хаос! Надо заставить закон работать легальными способами!

Рада наблюдает за нами, её пальцы медленно вращают опустевшую чашку.

– Это какими же? – хмыкает она.

– Выборы! Журналистские расследования! Общественный резонанс!

Губы Рады кривятся в горькой усмешке. Эта девушка знает больше многих, но предпочитает молчать.

– Так выпьем же за выборы, которые решат все наши проблемы! – Кажется, я единственный, кто слышит сарказм в её голосе. Рада поднимает чашку, заглядывает в неё и разочарованно пожимает плечами: – Ой, кажется, пусто. Значит, не выпьем.

– Подожди, я позову официанта, – Алиса выходит из-за стола.

Как только она скрывается за углом, Рада наклоняется ко мне.

– Алиса замечательная, – говорит она тихо. – Но она никогда не поймёт тебя.

Слова её больно колют. И в этот момент я понимаю, Рада не просто догадывается, она точно знает, кто я есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.